ЕВГЕНИЙ «КРАЕВ» КОСТЮЧЕНКО



РУССКИЕ ФЛИБУСТЬЕРЫ

Евгений "Краев" Костюченко

Русские флибустьеры

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

Русские флибустьеры / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Казаки на Кубе. Фантастика? Ничего подобного! Император Всея Руси Александр Третий издал указ, и Русская военно-морская база в Карибском море – есть. Но – трудно. Вокруг – чужие. Вокруг – война морская и сухопутная. В этих суровых условиях читатель вновь встречается с бывшим русским разведчиком графом Орловым и другими замечательными парнями, умеющими не только метко стрелять, но и неплохо работать головой.

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Евгений «Краев» Костюченко 5
Русские флибустьеры 6
Часть первая. 6
1. 6
2. 12
3. 19
4. 24
5. 30
6. 36
7. 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Евгений "Краев" Костюченко
Русские флибустьеры

Евгений «Краев» Костюченко

Русские флибустьеры

Часть первая.

1.

Конституция Мексики даровала гордым и свободолюбивым гражданам этой республики право на ношение оружия.

Почти у каждого из работников капитана Орлова имелся револьвер. Их было шестнадцать человек, да еще трое вооруженных погонщиков, которые подвозили на мулах доски для строительства вышки. Итого почти два десятка гордых, свободолюбивых и вооруженных мужчин. Однако все они рассыпались в разные стороны, как стайка испуганных воробьев, когда на стройплощадке появились трое всадников.

Орлов в это время забирался на последний ярус строящейся буровой вышки, держа в зубах конец веревки. Другой конец был обвязан вокруг бруса с заранее просверленными отверстиями под крепеж. Орлов собирался подтянуть этот брус наверх и установить его на место, где сам же собственноручно вырезал для него гнезда. Ему приходилось самому делать всю плотницкую работу. Мексиканцы – отличные ребята. Они могут быстро копать, правда, недолго. Могут после нескольких неудачных попыток привезти со склада примерно столько досок, сколько нужно. Но им ни разу не удалось отпилить хотя бы две доски одинаковой длины, а забивание гвоздей превращалось в корриду с непредсказуемым исходом.

Глядя с высоты, как разбегаются работники, Орлов подумал, что в следующий раз он обязательно включит в штатное расписание три смены охранников. Причем выпишет их из Техаса.

- Эй, гринго! – прокричал снизу один из всадников. – Долго ты будешь там прятаться? Поторопись, у нас нет времени тебя ждать!

Орлов не прятался, но и не спешил сползать вниз по перекладинам вышки. Он прихватил к поперечине веревку, да и соскользнул по ней.

- День добрый, сеньоры, - улыбнулся он, как ни в чем не бывало.

- Ты – Брукс? – спросил всадник, в котором безошибочно угадывался предводитель: он был в белом сомбреро, а его спутники – в простых черных шляпах.

- Да, я Брукс, - ответил Павел Григорьевич Орлов. – Джеймс Брукс.

- Ты знаешь, чья это земля?

- Насколько мне известно, участок куплен мистером Франклином из Огайо.

- Заткнись! – заорал предводитель. – Эта земля принадлежит народу Мексики!

- Совершенно верно, - сказал Орлов. – Поэтому все работы здесь ведутся с разрешения мексиканского правительства.

- Если будешь со мной спорить, не доживешь и до обеда! – еще громче заорал мексиканец. От его пронзительного голоса у Орлова зачесалось ухо, напоминая о старой контузии. – Ты знаешь, кто я такой?

К сожалению, капитан Орлов уже догадался, что за гости посетили его. Он также догадался, почему так стремительно испарились все его работники при виде всадников в черных грубых шляпах.

Тех, кто носил такие шляпы, называли «висельниками с лопатами». Это были уголовники, приговоренные к смертной казни, но получившие отсрочку. Вместо камеры смертников

их направляли на войну с мятежными индейцами майя. Командовал ими полковник Терразас. В промежутках между карательными экспедициями он защищал законность и правопорядок, а также боролся за независимость Мексики – теми же методами, какими усмирял индейцев. Об отряде висельников ходили страшные слухи, страшные даже для мексиканцев, которых трудно удивить жестокостью. Конечно, сама по себе черная шляпа – не такая и редкость в этих краях. Но вот лопата у седла…

- Много слышал о вас, сеньор полковник, но не имел чести быть вам представленным, - сказал Орлов.

- Я не привык знакомиться с каждым гринго, – произнес Терразас, уже не срываясь на крик. – Незачем запоминать все ваши куцые клички. Я встречаюсь с вами только для того, чтобы выкинуть из страны. Убирайся отсюда, Джеймс Брукс. Только сначала потрудись навести тут порядок. Пусть эта земля выглядит так же, как она выглядели до того, как сюда ступила твоя нога. Возьми спички и подожги свою вавилонскую башню.

- Это буровая вышка, - сказал Орлов. – С ее помощью ищут нефть. Если на участке будет обнаружена нефть, мексиканская казна пополнится. Местные жители получат работу. Их дети перестанут голодать и болеть.

Всадник расхохотался.

- О, благодетель! Я бы упал перед тобой на колени и стал бы целовать твои руки, если б никогда не видел нефтяных промыслов. Ты пришел сюда, чтобы превратить мой цветущий край в зловонное черное болото, в котором будут копошиться твои рабы! Казна? Черта с два! Все денежки потекут в карман к тебе и к твоим хозяевам, и только жалкая доля перепадет нескольким толстопузым чиновникам в Мехико! Ты слышал мой приказ, гринго? Поджигай вышку и убирайся отсюда!

Терразас привстал в стременах, оглянулся и пальнул в воздух из револьвера:

- Эй, вы! Выползайте из кустов, вам ничего не будет!

Под пальмами, окружавшими площадку, зашевелились ветви кустов. Сквозь листву показались испуганные физиономии работников.

- Идите сюда, несчастные! – крикнул Терразас. – Вы не виноваты. Гринго напакостил, придется за ним прибрать. Идите сюда, и мы вместе уничтожим его следы, раз у него самого не хватает духу чиркнуть спичкой. Идите ко мне! И не бойтесь, вы не потеряете работу! Самых смелых я возьму с собой! Мы нашли богатую индейскую деревню! Там полные кувшины старинного золота и драгоценных камней! Вот только к деревне той надо пробить тропу через лес, и мне нужны два десятка отважных парней!

Несколько работников несмело приблизились к вышке. Полковник Терразас щелкнул пальцами, глянув на своих подручных:

- Проводите гринго до дороги и возвращайтесь в лагерь. Посадите его на любую колымагу, что идет к станции. Пусть сегодня же уберется отсюда. Имей в виду, гринго: если завтра ты снова попадешься мне, разговор с тобой будет совсем не таким вежливым.

Орлов знал, для чего нужны лопаты людям Терразаса. Но не ожидал, что они будут пущены в ход. Да еще так скоро.

Он шел по дороге, ведущей к поселку, чтобы собрать вещи и уехать отсюда. «Спорить с мексиканцами бесполезно, - думал Орлов, слушая мягкий топот копыт за спиной. - Особенно с такими. Жаль вышку, она была почти готова. Что ж, через пару месяцев придется все начинать сначала. Деньги в участок уже вложены. Заказчику придется потратиться еще немного, но расходы окупятся. Нефть там, скорее всего, есть. Вопрос – сколько ее, и какого она качества…»

- Здесь налево, - сказали ему сзади.

Слева за лохматым краем обрыва поднималась сверкающая зеленая стена моря.

- Куда? – спросил он, обернувшись.

Всадник в черной шляпе молча показал рукой в сторону моря.

Бесполезно спорить.

Он свернул и увидел тропинку, сбегающую по обрыву. Песок тек из-под ног обильными струями, пока он спускался. Всадники опередили его, потому что кони не могли шагать вниз медленно, и в несколько неуклюжих прыжков достигли песчаного пляжа внизу.

«Удрать, что ли?» - подумал Орлов и оглянулся.

- Хочешь получить пулю в спину?

- Не хочу, - ответил он и снова зашагал вниз.

Лопата воткнулась в песок.

- Копай, - сказали ему.

Он взялся за черенок, отполированный ладонями тех, кто рыл себе могилы до него.

- Здесь нехорошее место, сеньоры, – сказал Орлов, раздвигая носком сапога сухие водоросли. – В шторм сюда накатывает прибой.

- Тебе не все равно? Копай.

Они даже не смотрели на него. Один выбирал сор из гривы коня. Другой глядел на море, где застыл силуэт парусника. «Как душно, - подумал Орлов. – Ни ветерка. Странно, в лесу я не замечал, какая несносная погода сегодня. А тут, на берегу, просто дышать нечем».

- Могу я хотя бы покурить? - спросил он. - Весь день не курил, некогда было.

- Кури.

Орлов отвязал с пояса кисет с трубкой и присел на серую корягу, изъеденную морем, ветром и солнцем.

Если им был дан приказ напугать несчастного гринго, то почему они ведут себя так спокойно? Им лень покричать на него? Почему они не стрельнут пару раз у него над ухом? Жаль патронов?

Это не спектакль. Это казнь. Вот почему «черные шляпы» позволили ему даже закурить.

Он зарядил в трубку лишь половину обычной порции табака. С некоторых пор Орлов стал поступать так в присутствии жены, чтобы показать ей, как он заботится о своем здоровье. «Ты, Паша, человек хороший, но безответственный, - говорила она ему. – Знаешь ведь, что курение сокращает жизнь. И не можешь отказаться от бессмысленной привычки. Знаешь, как ты нужен мне. И собираешься оставить меня вдовой».

«Эх, Вера, - подумал он, поднося огонь к табаку, - знала бы ты, как много значит для меня эта *бессмысленная привычка*. Недаром даже палачи разрешают приговоренному курнуть перед смертью…»

Тут он заметил, что его палачи и сами спокойно задымили тонкими сигарами.

- А вчера на берег выбросило еще одного негра, - вдруг заговорил один из висельников, словно продолжая прерванный разговор. – Сколько же их там было, на той несчастной скорлупке? Я бы в жизни не согласился даже близко подойти к такой лодке. А они на ней вышли в море. Сколько отсюда до Кубы?

- А я почем знаю? – лениво протянул второй. – Сколько бы ни было, незачем бросать свой дом и плыть к чужому берегу. Чего им не сидится на Кубе? Что они тут забыли? Вот и разбились на рифах.

- Может, лучше разбиться на рифах, чем жить там.

- Это тебе утопленники сказали?

- Может быть, они просто хотели убежать от войны.

- А у нас что – мир?

Всадник выбросил окурок и встал в стременах, расстегивая штаны. Норовистый конь принялся крутиться под ним, сердито отфыркиваясь.

- Вот поганец, не даст спокойно отлить!

Он тяжело спрыгнул на песок и отошел к стене обрыва, продолжая копошиться в мотне.

Второй конвоир прикрикнул на Орлова:

- Хватит курить. Копай. И копай поглубже, если не хочешь, чтобы чайки растащили твои кишки по всему берегу.

Орлов отложил трубку в удобную выемку коряги и взялся за лопату.

Их двое. Один в седле, до него три шага. Второй стоит спиной к ним, до него пять шагов.

Другой возможности не будет.

Он зачерпнул лопатой песок, примерился и запустил его прямо в лицо всаднику. Рубанул штыком лопаты лошадь по колену, и та взвилась на дыбы. Тут же кинулся на второго. Тот стоял к нему спиной, оглянулся, разинул рот, но продолжал мочиться. Так и не успел шевельнуться, как получил удар по шее. Под штыком хрустнули позвонки. Лопата застряла в теле, но она уже не нужна: из кобуры торчит рукоятка кольта. Она показалась мокрой. И только ссадив всадника двумя выстрелами, Орлов понял, что рукоятка-то сухая – это ладони у него мокрые от пота.

Он обтер ладони о рубаху и, затянувшись напоследок, торопливо выбил трубку.

***

За последние пять лет ему впервые пришлось убить человека.

Странная штука – память. За плечами капитана Орлова осталась турецкая кампания семьдесят восьмого года. Двадцать лет прошло, а он до сих пор помнил каждого турецкого аскера и башибузука, кого убил там, за Дунаем или под Карсом.

В конце восьмидесятых он перебрался в Америку. За плечами иммигранта Орлова остались годы службы в техасских рейнджерах. Кажется, это было совсем недавно, но в памяти сохранились только несколько первых стычек. У рейнджеров не принято делать зарубки на рукоятке револьвера. Они не считают убитых врагов. Гораздо важнее знать, сколько их еще осталось в живых.

Бывало, рейнджеру Орлову приходилось убивать несколько противников в одном бою. Но количество врагов от этого не менялось. И он поступил так же, как все, к кому усталость пришла раньше смерти. Он вышел из боя.

Ему казалось, что нельзя вернуться к мирной жизни, не оборвав все связи с прошлым. Он уехал из Техаса, где его знали слишком многие. Он взял себе новое имя. Он женился. Он выстроил себе новый дом в новом городе, которого еще не было ни на одной карте. И, самое главное, Орлов стал заниматься делом, в котором, как он надеялся, ему никогда не придется стрелять.

«А можно было и не стрелять», - подумал он, глянув на одного убитого, потом на другого. Висельник, которого он выбил из седла, даже не успел взяться за оружие: он не мог совладать с конем, взвившимся на дыбы от боли. «Если б лопата не застряла в шейных позвонках, я бы и второго зарубил. А что? Стянул бы с седла – и готово».

После боя он всегда думал, что мог бы все сделать лучше. Наверно, каждый переживает нечто подобное. Отсюда и непомерное хвастовство победителей, и горькая мудрость побежденных.

Да, все можно было бы сделать лучше. Но теперь надо думать об отходе.

И все же – лучше было бы не стрелять. Звук выстрела далеко разносится вдоль берега. А Орлову сейчас очень не хотелось привлекать к себе внимание.

Он отогнал коней, размахивая окровавленной лопатой. Когда лошади в испуге умчались, оттащил трупы в кусты под обрывом и завалил плавником. Снял рубаху и надел оба оружейных пояса на голое тело. Один револьвер на шнурке повесил через плечо, второй запихнул за пояс. Снова надел рубаху и оглядел себя. Вроде бы не слишком заметно. Ему, как иностранцу, ходить с оружием не дозволялось. И до сих пор капитан Орлов ни разу не нарушил мексиканское законодательство.

Впрочем, за все время работы он ни разу не видел тут ни жандармов, ни солдат, а местные жители даже удивлялись тому, что приезжий инженер не носит на поясе кобуру. Как это, мужчина – и без оружия? Револьвер был здесь такой же деталью костюма, как штаны и шляпа.

«Черт принес этого Терразаса», - подумал Орлов, взбираясь по обрыву к дороге. Надо же было полковнику спуститься с гор аккурат возле стройплощадки! Теперь Орлову придется забыть об этом перспективном участке. И распрощаться с тремя тысячами долларов, потраченных на его освоение.

Над пальмами уже завивался полупрозрачный столб дыма. «Хорошая была вышка, - снова подумал капитан Орлов. – И нефть здесь есть. Что ж, вернусь через полгода, под другим именем, и не сюда, а поближе к Кампече, подальше от индейцев. Там тоже перспективный район. И до железной дороги недалеко, можно будет протянуть ветку. А то и причал для танкеров соорудить. Правда, здесь повсюду рифы и мелководье. А если углубить дно, пробить канал? Или протянуть пирс длиной в милю, до нужных глубин? Надо будет сопоставить расходы. Что выгоднее – тянуть ветку, а потом еще тратить время и деньги на железнодорожную перевозку или прямо от месторождения вывозить нефть на собственных танкерах? Как бы это сосчитать? Ничего, Верочка сосчитает» …

Вспомнив о жене, он порадовался, что сейчас она далеко отсюда. Этот участок, как и все предыдущие, нашла Вера, причем не выходя из дома. Просто почитала газеты да сверилась с картами и отцовскими записями. На Юкатане обязательно должна была отыскаться нефть. И Вера так мечтала когда-нибудь попасть сюда… Белоснежный песок, кристально чистое море, мягкий душистый воздух – просто земной рай. Да, Вере хотелось побывать здесь, но у нее сейчас не было дела важнее, чем подрастающий сын.

До поселка он дошел благополучно. Видимо, Терразас, сформировав новый отряд из бывших орловских работников, не стал терять время, и отправился с ними в горы, громить и разгонять несговорчивых майя.

Вещей у Орлова было немного, да и из них он почти ничего с собой не взял. Ушел с одним саквояжем, сказав хозяйке, что едет в Вальядолид, а оттуда первым же поездом отправляется в Мехико. Искать защиту от произвола.

Но, вместо того, чтобы свернуть к дороге, он пошел напрямик, через кукурузные поля зашагал он туда, где над деревьями торчала белая макушка старого маяка – к рыбацкой гавани.

***

Он знал, что местные рыбаки, когда им удавалось поймать тунца, марлина или крупную акулу, везли улов в Прогресо-де-Кастро, где были разделочные цеха и большой рыбный рынок. Там же был порт, в котором Орлов надеялся сесть на судно, отправляющееся в Штаты.

Однако, добравшись до бухты, он понял, что не так-то просто будет найти того, кто согласился бы доставить его в Прогресо. Все лодки лежали на берегу. Сети сушились на веревках между пальмами, и ни одной мачты со свернутым парусом не было видно на песке возле лодок. Судя по всему, одни рыбаки уже вернулись, другие уже ушли, и больше никто не собирался выходить в море сегодня. Только одна шлюпка покачивалась у причала, и сквозь прозрачную воду покачивалась вместе с ней ее тень на зеленоватом дне.

Шлюпка была нагружена бочонками. На корме сидел седобородый моряк в соломенной шляпе.

Орлов глянул на выход из бухты и увидел там, за белой полоской рифа, одинокую шхуну с обвисшими парусами. С нее, по-видимому, и прибыла эта лодка.

Он неторопливо прошелся по причалу. Отсюда хорошо просматривался берег. Лошадей не было видно. Может быть, они до сих пор скачут куда-то, ведь испуганный конь, бывает, несется, пока не упадет от усталости. А может, наоборот, встали где-нибудь на виду, и сам

полковник Терразас уже осматривает их и мстительно щурится, готовя жуткую казнь для подлого гринго, который убил его лучших людей. Конечно, лучших. С кем попало он бы с гор не спустился…

Орлов зябко поежился. Встречаться с Терразасом не хотелось. Хотелось как можно быстрее покинуть Юкатан. В любом направлении.

Скорее всего, в таверне сейчас отсиживаются несколько рыбаков. Надо угостить их и разговорить. Здесь не Техас. Здесь не заключишь контракт за пять минут. Понадобится час-другой задушевной беседы, чтобы кто-нибудь соблазнился легким заработком. Орлов был готов заплатить любые деньги, лишь бы поскорее исчезнуть отсюда. Но на веслах далеко не уйдешь, значит, надо будет ждать ветра.

- Черт бы побрал этот штиль,- пробормотал Орлов

И без малейшей надежды обратился к моряку, сидящему в шлюпке:

- Добрый день, сеньор. Пассажира возьмете?

Старик мрачно глянул на него и ничего не ответил.

Орлов подумал, что тот, возможно, не понимает испанского, и повторил вопрос по-английски.

Старый матрос глядел по-прежнему мрачно. Но все же ответил нехотя:

- Я не капитан.

- А как бы с капитаном поговорить?

Орлов присел на доски, свесив ноги с причала, и достал кисет с трубкой и табаком. В ответ на его молчаливое предложение старик отвернулся:

- Не курю.

«Бесполезно», - понял Орлов. Придется идти в таверну, уговаривать рыбаков. Кстати, там можно будет и выпить. Ему настоятельно требовался сейчас хотя бы глоток текилы или рома.

С берега раздался свист. Орлов оглянулся и увидел второго матроса, вышедшего из таверны с бочонком на плече. Ступив на причал, он опустил бочонок на доски и покатил его перед собой.

Ему было слегка за тридцать. Сухощавый и жилистый, с обветренным лицом и выгоревшими на солнце русыми волосами, он был похож на скандинава. Под просторной рубахой перекатывались бугры мышц, когда он, гибко склонившись, подталкивал и направлял непослушный тяжелый бочонок.

«Да они иностранцы, - понял Орлов, непонятно чему обрадовавшись. – Шведы или голландцы, вот почему старик не понял меня сразу. И говор у него особенный. Точно, шведы. Эх, жаль, не знаю по-ихнему ни словечка…»

Но оказалось, его сожаления были преждевременными. Подойдя к лодке, молодой матрос заговорил не по-шведски, и не по-голландски, и даже не по-английски.

- Принимай водицу, Петрович, - сказал он на чистом русском языке. – С кем ты тут балясы точишь?

- Да чудак какой-то. В пассажиры просится, - отвечал старик, ловко укладывая бочонок на дно шлюпки.

Молодой матрос цепко глянул на Орлова. Взгляд его слегка задержался там, где под рубахой пряталось оружие.

- Пассажиров не берем,- сказал он по-английски.

«Быстро же он распознал, что я не из местных, - подумал Орлов. – Да, я не местный. Очень не местный».

Он вытер вспотевший лоб рукавом и сказал негромко:

- Братцы, не выдайте. Нельзя мне тут оставаться, никак нельзя.

Заслышав русскую речь, моряки переглянулись.

- Откудова будешь? – спросил дед.

- Долго рассказывать. Вот возьмете на борт, все расскажу, - пообещал Орлов. – Не выдайте, братцы. Заберите меня отсюда, а с капитаном я договорюсь.

- Это вряд ли, - сказал дед, глянув на своего молодого товарища. – Не станет капитан из-за тебя курс менять.

- А я и не прошу курс менять. Мне, братцы, все равно, куда вы идете.

- Матросом пойдешь? – спросил молодой. - До первого порта?

- Пойду, - согласился Орлов, прикинув, что после Юкатана первым портом для небольшой шхуны вряд ли окажется Мельбурн или Гавр.

- Садись на весла, - приказал молодой. – Посмотрим, какой из тебя матрос.

- Эх, Кирила Андреич, - недовольно проворчал старик, пропуская Орлова к веслам. – Хоть ты и капитан, а скажу тебе прямо. Погубит тебя доброта твоя, погубит, попомни мое слово.

Молодой капитан уселся на банку[1] рядом с Орловым, поплевал на ладони и взялся за весло.

- У меня вахту некому стоять, - сказал он, глядя, как старик, отвязав конец от причальной сваи, бережно его сворачивает. – У меня на весла посадить некого. У меня команды-то, ты да я, да мы с тобой. А ты говоришь – доброта. Не по доброте, а по выгоде поступаю.

- Мне жалованья не нужно, - сказал Орлов, - я и заплатить готов.

- Сочтемся, - кивнул капитан. – Меня Кириллом зовут. По-американски – Крис. А ты кто?

«Брукс. Джеймс Брукс»,- едва не сорвалось с языка.

- А я - Орлов, - сказал он.

Как только шлюпка отошла от причала, он увидел, что две лошади бродят по берегу, а по обрыву спускается всадник в белом сомбреро.

- Не части, не части! – сурово прикрикнул старик, вытирая с лица брызги. – Рвение свое на вахте покажешь. А грести надо гладко, ровно!

Орлов кивнул и чуть умерил пыл. Шлюпка, разрезая зеркально гладкую воду, ходко удалялась от берега.

2.

О матросском деле он имел довольно смутные познания, почерпнутые из встреч с морскими офицерами. Орлов знал, что веревочная лестница, по которой он поднялся на борт шхуны, называется штормтрапом. Знал, что вместо «запада» и «востока» у моряков «вест» и «ост». Эти сведения, возможно, пригодятся, если его поставят нести вахту у штурвала. А еще он вспомнил, что самая дурная вахта – с полуночи до четырех часов утра. Ее называли «сучьей», «кладбищенской», «пропащей», а еще – «длинной», потому что двести сорок предрассветных минут тянутся гораздо дольше, чем те же четыре часа в любое иное время суток.

Кроме того, он умел готовить морские напитки, то есть смешивать грог и варить пунш. Правда, эти навыки вряд ли пригодятся ему на шхуне.

Ему довелось трижды пересечь Атлантику, и только в первом рейсе он почти все время провел на палубе, а позже вылезал из каюты только чтобы добраться до буфета. Но он хорошо помнил, что матросы постоянно что-то чистили, натирали, скоблили. Что ж, сейчас он был готов к любой работе. Прикажут ли мыть палубу, или латать паруса, или стоять у штурвала - он был готов ко всему. Орлов даже радовался, что неожиданный жизненный поворот позволит ему узнать что-то новое. Однако капитан Кирилл сказал ему:

[1] Банка – скамья для гребцов в лодке

- Морским премудростям тебя учить никто не станет. Некогда, да и незачем. Гребешь ты неплохо, вот и будешь шлюпку гонять, когда придем на место. Сейчас идем к островам. Оттуда в Галвестон. Там и сойдешь. Составим контракт, впишу тебя в судовую роль[2]. Под тем именем, какое назовешь. Под этим же именем сойдешь в порту. У нас так: я вот, к примеру, Кирилл Белов, а в капитанском дипломе написано Крис Смит. Ты ведь тоже, наверно, сменил имя?

- Да, - сказал Орлов. – И не раз. Для американцев я Брукс. Джеймс Брукс.

- Джеймс Брукс, - повторил Кирилл. – Ясно. В личном бланке запишем, что на борт тебя взяли на Ямайке. У меня с собой есть только бланки с печатями кингстонского порта, так что не обессудь. Если в Галвестоне портовый агент спросит, как ты оказался в Кингстоне, скажешь, что промышлял с рыбаками, попал в шторм, оказался за бортом. И так далее. Это самая простая легенда. Ей все пользуются.

- Кто «все»?

- Кому надо срочно попасть на борт и получить матросскую книжку. – Кирилл глянул на его саквояж и добавил: - Если есть деньги, бумаги, ценности – будут храниться у меня. А арсенал свой сдай боцману.

Боцман Петрович спрятал его револьверы в длинный сундук, где Орлов краем глаза заметил блеск ружейных стволов. Показал место на палубе, где ему придется подвешивать свой гамак на время сна. А потом они вместе принялись набивать трюм запасами, которые боцман набрал на берегу.

Десяток живых кур Орлов запихал в деревянную клетку. Двое крупных и отчаянно визжащих поросят пристроились рядом. Они были связаны, лежали на боку, и Орлову пришлось повозиться, чтобы напоить их.

Бочки с пресной водой закатили и составили в один угол трюма, с ромом – в другой. Связки лука и чеснока легли поверх корзин с томатами. Наконец, Петрович вручил Орлову длинный прямой тесак.

- Выбери куренка пожирнее. Только смотри, чтоб кровь на палубу не пролилась. Чтоб ни капли! Ощиплешь, перо не выбрасывай, вот тебе под него мешок. Куренка отдашь на камбуз, коку. И отдыхай до ночи.

Тесак был тяжелый и неудобный. Таким мачете хорошо рубить подлесок, пробивая тропу. Но чтобы лишить жизни курицу, можно обойтись и перочинным ножичком.

- Чего задумался? – спросил Петрович.

Орлов попробовал лезвие тесака на ногте и сказал:

- Наточить бы.

- Иди на ют. Там и наточишь.

Несколько минут спустя Орлов стоял на корме, перегнувшись через борт, и глядел, как кровь из тушки капает в воду и клубится бурыми хлопьями, дразня рыбешек. «Мексика, Мексика, – думал он. – С ней бесполезно спорить. С ней бесполезно строить совместные планы. Никогда не знаешь, чего от нее ждать. Не прошло и часа, как я строил вышку и глядел с высоты на лес, и прикидывал, как проложить дорогу, и рассчитывал, сколько надо будет потратить на завтрашний визит к алькальду[3]. И вот уже нет никакой вышки, и не будет никакой дороги, и теперь я должен стать лучшим другом не алькальда, а боцмана Петровича. А в кустах под обрывом остывают два тела… Почему они решили убить меня? Неужели так велика здесь ненависть к проклятым гринго? Не заметил я особой ненависти. Они даже не смотрели на меня. Я был для них вроде вот этого несчастного куренка, которого приговорил Петрович. Но куренок пойдет в пищу, а меня-то зачем надо было убивать? Какая им была бы выгода? Неужели просто

[2] Судовая роль – список находящихся на судне

[3] Алькальд – (в странах Латинской Америки) глава местной администрации

лень было тащиться со мной до дороги? Видно, так и есть. Мексика, одним словом. Эх, выпить бы сейчас…».

- Говорят, Лука Петрович земляка нашел? – раздался веселый голос у него за спиной.

Он появился бесшумно, словно соткался из воздуха – чернявый, с ранними залысинами и щегольскими усиками, в кожаном жилете на голое тело и матросских просторных штанах. В одной руке у него был глиняный запотевший кувшин, в другой – две кружки.

- Откуда будешь, братишка? Не с Одессы?

- Нет.

- Не поверишь, сколько я в Америке повстречал земляков, и хоть бы кто-нибудь был одесским! Можно подумать, что, кроме нас с Кирой, оттуда никого больше не выпустили! Да, по правде говоря, и нас-то не больно выпускали, мы с ним контрабандой сюда попали. – Он говорил по-русски не совсем гладко, с интонациями вроде техасских. - Будем знакомы. Илья.

- Орлов.

Илья вскинул брови:

- Ну, тогда я Остерман. Или Истмен, как говорили в Нью-Йорке. А хочешь, зови меня по-испански, Гильермо Ориентес. Или запросто, дон Гильермо. Ты, наверно, из военных? У них, я заметил, привычка такая, всех по фамилии называть.

Орлов и в самом деле всех своих однокашников, кадетов-юнкеров, помнил только по фамилиям, и только немногих еще и по кличкам. А имена в памяти не сохранились.

- В училище я был «Орлов Черный», - сказал он. – Потому что в моей же роте числился второй Орлов, блондин. А так-то я Павел.

- Это другое дело. Что ты там за бортом держишь?

Орлов показал ему обезглавленную курицу. Остерман расхохотался:

- Узнаю милейшего Петровича! Держу пари, он и ощипывать приказал тебе? И потрошить?

- Только ощипывать.

Илья уселся прямо на палубу, в тень под навес, прикрывавший корму, и закричал:

- Эй, на камбузе!

Из окна кормовой надстройки показалась голова, обвязанная белым платком:

- Чего голосишь-то?

- Не спи, Макарушка, замерзнешь. Принеси-ка нам чего-нибудь. Ну, ты знаешь.

Кок, молодой полусонный парнишка, принес им деревянное блюдо с крупно порезанными лимонами, парой длинных стручков желтого перца и дольками порубленного ананаса. Илья вручил ему курицу и мешок для перьев.

- Тяпнешь с нами?

- Нешто я очумел, по такой-то жаре еще и зельем травиться? – покачал головой кок и удалился.

- По какой такой жаре? – удивился Илья, разливая по кружкам. – Погоды стоят изумительные. Вот дома у меня сейчас жара так жара, не то, что здесь. Со знакомством, Паша.

Когда-то Орлов не выносил фамильярности. Этот Илья не имел никакого права называть его *Пашей* – он не был ни его родней, ни ровесником, он не был даже военным. Но годы, проведенные в Америке, отучили капитана Орлова обращать внимание на условности. Он тут со всеми был на «ты» - с сенаторами и с бандитами, с миллиардерами и с нищими. И в этом «ты» всегда содержалась порция уважения, одинаковая для всех.

Однако сейчас был немного не тот случай. Илья говорил с ним, как со старым товарищем. Не фамильярно, а просто тепло. И почему-то это выглядело совершенно естественным. Хотя они встретились пару минут назад.

Орлов подумал, что сегодня, кажется, силы небесные особо чутки к малейшим его прихотям. Враги собирались его убить – но погибли сами. Ни один местный рыбак не отвез бы

его – но подвернулась шхуна с земляками. И как раз тогда, когда он возмечтал о выпивке - появился Илья. С кувшином, полным ледяного джина. «Чем же я заслужил такое благорасположение высших сил?» - подумал Орлов, закусывая лимоном.

- Говоришь, в Одессе сейчас жарче, чем здесь? – произнес он, переводя дух.

- Я не за Одессу. Дома – это в Аризоне. А ты, Паша, где обретаешься?

- Да по-разному.

Илья снова плеснул по кружкам.

- Я тоже по-разному. А точнее?

Они чокнулись, и на этот раз Орлов уже ощутил не только хвойный, но и анисовый привкус джина. «Еще глоток, и все пройдет», - подумал он. До сих пор он не замечал ни запахов, ни вкуса. Напряжение схватки неохотно отпускало его.

- Точнее? Не знаю, что и сказать.

Он стал набивать трубку.

- Курить? На бак, - сказал Илья, показав в сторону носа шхуны.

- Тогда не буду, - усмехнулся Орлов, пряча трубку. – Лень.

- Вот и ладно. Так откуда ты? – Илья подвинул к нему блюдо. – Ты перчики, перчики попробуй. А не хочешь говорить - не говори. Пытать не буду. Я и сам бы не стал о себе первому встречному в подробностях докладывать.

- Да нет, я не скрытничаю. Просто жизнь у меня такая. Кочевая. Сегодня здесь, завтра там. Семью вот оставил в Калифорнии. Сам работаю здесь, на Юкатане. Работал, - поправился он.

- Кем?

- Я нефтяной агент.

- Нефтяной агент? - Илья перестал жевать перец, недоверчиво оглядев Орлова.

- Ну, название-то солидное. А по сути я такой же старатель. Обследуем участки. Если есть признаки нефти, заключаем договор с хозяином земли. Все работы за мой счет. Получится – одна восьмая часть доходов от добычи идет хозяину участка. Не получится – в убытке только я.

- Похоже, на этот раз не больно-то получилось, - заметил Илья.

- Бывало и хуже, - беззаботно махнул рукой Орлов.

Но, глянув поверх борта, понял, что поторопился с выводами.

От берега, нестройно взмахивая веслами, медленно отдалялась лодка. На носу стоял человек в белой шляпе. Отсюда Орлов не мог разглядеть его лица. Но кто еще мог так гордо выставить вперед ногу и скрестить руки на груди? Только полковник Терразас.

Лодка повернула, огибая выступающий из воды костистый гребень рифа. И Орлов увидел, что вместе с полковником в ней находятся двое гребцов.

- … Нефть, говорят, дело прибыльное, - говорил Илья Остерман. – Да больно грязное. Меня столько раз тянули в нефтяной бизнес. Но я не пошел. Мое дело – лошади. Я люблю, когда все чисто, красиво. Разве есть что-нибудь красивее, чем кони? Кира в таких случаях отвечает, что да, есть. Он помешан на кораблях. Говорит, что некрасивых кораблей не бывает. Некрасивый – значит, неправильно построен, а неправильно построенный быстро тонет. А ты как думаешь?

- Корабли красивы, как лошади, - сказал Орлов.

- О! – удовлетворенно кивнул Остерман, и они подняли кружки. –Что ты все на берег смотришь? Забыл что-нибудь?

- Да нет. Это меня там никак не могут забыть.

Илья глянул через плечо на лодку.

- Вот босяки. Не сидится им. А скажи, Паша, ты был в Одессе?

- Нет, не довелось.

- Тогда что ты можешь знать о красоте? Не поверишь, я много чего повидал в Америке. Но таких закатов, как у нас, нигде не встречал. И такие звезды, как у нас - их больше нигде нет. Я уже не говорю о рыбе. Ты не был в Одессе! Поверь на слово – даже мелкая одесская барабулька вкуснее, чем лучшие лобстеры в самых дорогих кабаках от Нью-Йорка до Сан-Франциско! Ну что ты там высматриваешь, Паша? Ну, плывут к нам? Ну и пусть плывут. Лучше скажи, как тебе наш джин?

- Выше всяких похвал, - с чувством произнес Орлов, не кривя душой.

- О! – Илья поднял палец. – Сразу видно знатока. Напиток произведен на винокурне Луки Петровича. На борту – два бочонка. Но пьем мы его только в море. На берегу – иная карта вин.

Они снова чокнулись. Холодный джин, едва скользнув по глотке, превращался в кипяток. Но только на несколько мгновений. А потом проступал на коже крупными каплями холодного пота.

- Ты не смотри, что я так горячо хвалю барабульку, - говорил Остерман, сочно похрустывая ломтиком перца. - Это отчасти шутка. В каждом месте есть своя прелесть. По молодости я не понимал, насколько хорошо то вино, какое мы пили дома. Да мы же были салажата, какое уж там понятие о вкусах! Но, наверно, то было прекрасное вино. Теперь представь, я живу в Аризоне. Ну, скажем, мотаюсь между Аризоной и Мексикой. И что мне там пить прикажешь? Вино из Одессы? Хотя да, я таки мог бы его заказать, и поверь – мне бы доставили в натуральнейшем виде самое лучшее! Но я в Аризоне - и я пью текилу. А когда бываю в Теннесси, то пью виски Френсиса Дэниэла. Хотя там-то особо не выпьешь – «сухой штат». А когда возил жену в Европу, то – угадай, где мы были? Подсказываю по карте вин: сначала мы пили коньяк, потом шампанское… Нет, вру! Сначала мы пили скотч! А в конце я упился граппой так, что не помню, как сел на пароход!

- Эдинбург, Париж, Марсель, Неаполь, - быстро перечислил Орлов.

- А сейчас мы пьем джин. То есть не пьем, а языками впустую чешем, - укоризненно произнес Остерман, снова наклоняя кувшин над кружками.

Его речь была быстрой и сбивчивой, как у пьяного, но кувшин он держал твердо, и каждый раз плескал в кружки абсолютно одинаковую дозу, ровно на один добрый глоток.

- И если ты поначалу принял меня за патриота, для которого нет еды слаще барабульки, то ты жестоко обманулся. Модное слово, «патриот». Каждый раз, как идет к войне, все становятся жгучими патриотами. Это не про меня. Ну да, я люблю Одессу, но – где она теперь, за океаном? Эта любовь слишком тонкая. А вот когда я говорю, что люблю джин – это любовь живая. Да, люблю джин, и граппу, и виски. Ты в Африке был?

- Нет.

- Жаль. Хотел у тебя спросить, из чего там гонят. Да неважно. Если Кира чего-то напутает в навигации, и нас занесет в Африку, я точно знаю, что буду любить ту выпивку, какую африканцы считают самой лучшей. Потому что это – ну, как родник. Родниковую воду можно пить только прямо из родника. А наберешь ее в бутылку, привезешь домой – тьфу, что за дрянь! Так и с джином. Сейчас нас ждут на Кубе? Значит, там будем пить ром. По последней, Паша. И посмотрим, что у нас за гости.

Они отставили кружки и одновременно поднялись на ноги. При этом Илья схватился за планширь, а Орлов постарался встать без помощи рук, и даже не покачнулся.

Остерман задрал голову, поглядел на верхушку мачты и поцокал языком:

- Непорядок. Ветра нет, флаг обвис. Совсем не видно. Босяки не знают, с кем имеют дело.

- Может, завернулся? - сказал Орлов, тоже задрав голову и пытаясь разглядеть флаг среди веревочных лестниц, обвисших парусов и паутины тросов.

- Может, и завернулся.

- Так, может, развернуть? – спросил Орлов.

- Да ветром развернет. Только где он, тот ветер?

Орлову не стоялось на месте. Ему вдруг стало нестерпимо душно, и он решил, что, забравшись на мачту, сможет вдохнуть свежего воздуха.

- Так я поднимусь, расправлю?

С носа шхуны раздался голос наблюдателя:

- Слева по борту лодка.

- Да видим уже, - лениво отозвался Илья и, облокотившись о борт, сплюнул в воду. – Чего им надо, босякам? Паша, ты еще здесь? А я думал, ты уже по вантам скачешь…

«Ванты? Знать бы, как они выглядят!» - Орлов вдруг почувствовал себя двоечником. Это его разозлило, и он тут же полез вверх, и довольно ловко, как ему казалось. Во всяком случае, он не запутался. И не сорвался. Правда, на самом верху обнаружилось, что он забрался не на ту мачту – флаг безвольно висел на соседней, что была ближе к корме.

Пока он спускался и поднимался снова, внизу протекали дипломатические переговоры.

- Эй, на «Палладе»! Я требую капитана! – яростно прокричал полковник Терразас, едва лодка подошла к шхуне. – Капитана сюда! Подать трап! Немедленно подать трап!

- Испанский не понимать, - вежливо сообщил ему Остерман. – Вы говорите по-английски?

Прежде чем перейти на международный морской язык, полковник отдал щедрую дань родному наречию, изобличив население Северо-Американских Штатов во множестве отвратительных наклонностей, среди которых содомия была просто невинной слабостью.

- На вашем корабле прячется преступник, - наконец, заявил Терразас. – У вас прячется янки, который убил двоих полицейских. Я требую немедленно выдать преступника. Убийца будет предан мексиканскому суду.

- Янки? – удивленно переспросил Остерман. – Американец? На нашем корабле нет американцев. Это российская шхуна, и команда вся русская. Россия, слышали про такую страну?

- Я требую капитана! Немедленно! Я арестую убийцу, и никто меня не остановит!

- Желаю удачи. Но здесь нет ни одного янки.

- Капитана сюда!

С высоты мачты Орлов видел белое сомбреро, из-под которого неслись угрозы, и боролся с желанием плюнуть на него. Где же флаг? Вот он. Веревочная лесенка кончилась. Пришлось встать на узкую площадку, обнимая мачту одной рукой, и подергать за трос, вокруг которого обвилось трехцветное выгоревшее полотнище.

Под ногами далеко-далеко зеленым стеклом застыла вода, и видно было, как по гладкому дну проносятся тени рыб, а сами рыбы оставались невидимыми.

- Капитана мне! – все громче ревел Терразас.

- Капитан отдыхает, - важно отвечал ему Остерман. – Приходите вечером. Может быть, он поговорит с вами.

- Я не собираюсь ждать до вечера!

- Придется подождать. Кстати, как прикажете доложить о вашем визите? Я не вижу на вашем судне ни лоцманского флага, ни таможенного.

- Сейчас ты узнаешь, кто я такой! – по-испански заорал Терразас, потрясая кольтом. - Сейчас я поднимусь на вашу посудину и арестую убийцу!

Илья ответил, невольно обнаружив перед собеседником знание испанского:

- Боюсь, вы не осведомлены о морском законодательстве, сеньор. Ступив на первую же ступеньку нашего трапа, вы окажетесь на российской территории. И с вами поступят по российским законам. А они весьма суровы к тем, кто размахивает оружием.

- Вы вошли в мексиканские воды и должны подчиняться мексиканским законам! И вы, и тот гринго, которого вы прячете!

- Сеньор, в море нет иных границ, кроме наружной обшивки судна. Сейчас вся Мексика со своими законами уместилась в вашей лодке. Не будем спорить, сеньор. Приходите вечером, и капитан вас примет. Но я повторяю, у нас тут нет ни одного янки.

- Предупреждаю, вы еще пожалеете!

Лодка отошла от борта, неуклюже разворачиваясь. Орлов, прижимаясь к мачте, провожал ее взглядом. Почему-то хотелось, чтобы Терразас обернулся и увидел его. «Да вы пьяны, граф, – сказал он себе укоризненно. – Вас развезло, как юнца. На подвиги тянет? Постарайтесь хотя бы достойно спуститься на палубу. И даже не думайте о том, чтобы сигануть отсюда в воду. Хотя в такую жару купание не помешало бы…»

Он все же справился с искушением и не нырнул с мачты, а, путаясь в веревках, принялся спускаться. Когда он, наконец, достиг палубы, то увидел, что рядом с Ильей стоит капитан Кирилл. Оба, облокотившись на планширь, глядели на берег и негромко переговаривались.

- Кто послал на мачту? – спросил Кирилл, когда Орлов встал рядом с ним у борта.

- Никто не посылал. Я флаг расправить…

- Ясно.

- Вот именно, все ясно, - с вызовом произнес Остерман. – Если человек после джина способен лазить по мачтам и не сверзиться, то он наш человек.

- Что за история с полицейскими? – спросил Кирилл.

- Они не полицейские, - сказал Орлов. – Каратели. Жгут индейские поселки.

Он замолчал. Не в его правилах было рассказывать о том, о чем следовало поскорее забыть. Тем более что есть вещи, о которых нельзя говорить никому. Абсолютно никому.

Но Кирилл и Илья ждали его ответа. И Орлов, посмотрев в их глаза, понял, что не имеет права смолчать или соврать.

- Привязались ко мне, - сказал он. – Даже не понял, из-за чего. Наверно, им приказали остановить работы на участке. Думаю, что кому-то из чиновников показалось, что ему мало заплатили. Захотелось снова содрать денег с владельца участка. Вот и натравили на меня.

Он снова замолчал.

- Ты не стесняйся, Паша, - мягко сказал Остерман. – Ты говори, говори. Не держи в себе.

Орлов пожал плечами:

- Да и говорить-то особо не о чем. Завели под обрыв. Дали лопату. Говорят, рой себе могилу. А меня дома жена ждет. Сын. Вот я их лопатой и …

Он не договорил, махнув рукой.

- Спать, - приказал Кирилл. – Обоим. Чтоб на ночной вахте носом не клевали.

- Ночью этот клоун соберет шайку, полезут на нас, - сказал Орлов. – Я их повадки знаю. Меня им не достать, так со злости пожар устроят.

- Ничего, - сказал Кирилл. – Встретим.

- Я бы сам их встретил, если позволите. - Орлова снова охватил боевой азарт. – Выдвинусь на шлюпке к рифу. Затаюсь. В темноте не увидят. Когда они на своей лодке пойдут на шхуну, я их с тылу перебью. Вот если бы еще зажечь что-нибудь для подсветки…

- Страсти какие! – смеясь, сказал Кирилл и подтолкнул Илью к Орлову. – Приказываю проспаться. Спать немедленно!

Илья помог ему растянуть гамак между мачтами, а сам забрался в шлюпку, подвешенную рядом. Орлов лег, поворочался немного и понял, что сможет уснуть. Он не ожидал, что придет в себя так быстро. Еще удивительнее было то, с какой легкостью он разоткровенничался перед людьми, которых увидел впервые в жизни. Они принадлежали к разным поколениям. Но Илья и Кирилл держались с ним как со своим товарищем. И Орлов чувствовал себя помолодевшим. «Похоже, эти двое привыкли выслушивать подобные истории, - подумал он. – Похоже, им самим найдется что рассказать». Так или иначе, но после короткой исповеди ему в самом деле

стало легче на душе. И здесь, на шхуне, застывшей совсем недалеко от берега, где ему грозила смерть – да, здесь он чувствовал себя в полной безопасности.

- Лопатой, говоришь? – пробормотал Остерман из шлюпки. – Мы слышали выстрелы.

- Да пришлось. Для верности. Жаль, что полковник этот не подвернулся.

- Ничего, Паша. Ты не думай. Все в порядке.

- Я и не думаю. Ночью я его не упущу.

- Да успокойся ты, - сказал Остерман, зевнув. – Что они могут? Ну, вызовут таможенный катер из ближайшего порта. Ну, и когда он сюда придет? Это ж Мексика… А мы уже ночью будем далече. Глянь на небо. Облака перистые появились. К вечеру задует. И мы уйдем.

3.

Он проснулся от движения. Все вокруг него двигалось. Мягкий топот ног, скрип снастей, хлопки паруса – эти звуки пришли к нему позже, а сначала он только ощущал движение. Потом понял, что и сам он двигается, точнее, раскачивается в гамаке. Еще не совсем проснувшись, Орлов вывалился из гамака и встал на ноги, и чуть не упал, так сильно его повело в сторону. «Надо же было так набраться», - подумал он виновато. И тут же сообразил, что это не он качается, а палуба ходит под ногами. Только теперь он смог осознать, что уже наступил вечер, и в темноте вокруг него носятся какие-то люди, и ветер швырнул ему в лицо добрую пригоршню соленых брызг, и Орлов окончательно проснулся.

Непонятные команды раздавались в темноте. Мачты дружно заскрипели. Шхуна накренилась и снова качнулась вверх-вниз, словно перевалив через горку.

Орлов вцепился в гамак, чтобы не упасть.

- Дуй на ют! – крикнул ему Остерман, внезапно появившийся рядом. – Наша вахта! Да не по этому борту, а вот здесь!

Он бесцеремонно схватил его за рубаху и потащил за собой. Орлов едва успел нагнуться, ныряя под парус.

В темноте за бортом мелькали белые гребешки волн. Вода звучно плескала по бортам шхуны. Ветер свистел в снастях.

- Павел, на руль, - сказал Кирилл, уступая Орлову место у штурвала. – Илюха, ты – на бак. Погоди, постой тут, подскажешь. Курс «зюйд-ост-ост».

Орлов взялся за рукоятки. Масляная лампа под латунным колпаком освещала диск компаса.

- Паша, отвечать полагается, - сказал Илья. – Повтори курс.

- Зюйд-ост-ост! – гаркнул Орлов, разглядывая дрожащую под стеклом шкалу с цифрами и буквами.

- Смотри сюда, - сказал Остерман. – Эти буковки на картушке означают румбы. Если капитан тебе скажет «курс норд-ост»…

- То я доверну штурвал, чтоб вот эта полоска попала на Эн-О, - перебил его Орлов.

- Не «полоска», а «курсовая нить», - поправил Илья. – Ну, раз ты все знаешь, то давай, крути.

Штурвал вдруг сам собой заворочался, и Орлов едва удержал его.

- На руле, не рыскать!

- Есть не рыскать!

- Крутани влево, - вдруг совсем не по уставу приказал Кирилл. – Еще! Теперь вправо! О! Так и держи. Поймали ветер, теперь полетим. Пошли, Илюха.

Оставшись один, Орлов забыл обо всем, пытаясь удерживать курс, да чтобы еще при этом самому оставаться на ногах. Прошло немало времени, прежде чем он смог воспринимать

что-то кроме тонкой нити и верткой картушки. Шторм уже не казался ему таким сильным, а чуть позже Орлов понял, что и не было никакого шторма. Он привык к ветру и качке. Он стал ощущать скорость, с которой двигалась шхуна. И с невольной досадой понимал, что с каждой секундой удаляется от дома. Курс на юго-восток? А его дом – на северо-западе. Куда идет шхуна? Кирилл говорил про острова. Илья обмолвился, что их ждут на Кубе. Что ж, это не край света. Если после Кубы они не уйдут в океан, а сразу повернут в залив, то скоро достигнут берегов Техаса. От Галвестона до Калифорнии ходят поезда, и через пару дней Орлов окажется дома. Если будет на то Божья воля.

Он попытался представить, чем сейчас занята Вера. Наверно, уложила Гришутку, и сидит на крыльце, читает при свете лампы. Ветер с океана отгоняет комаров и теребит занавеси на окнах. И, вслушиваясь в мерный гул прибоя, Вера порой поднимет голову, посмотрит в темноту и попытается представить, чем сейчас занят ее непоседливый муж…

Открылась дверь капитанской рубки, и на палубу легла полоска света. Вышедший чиркнул спичкой, прикуривая, и вспышка осветила его лицо. Блеснули круглые стекла очков. Он прошел на нос шхуны, и оттуда послышался веселый голос Остермана:

- Виктор Гаврилович, вы меня удивляете. Как можно курить мексиканские сигары? Их и близко нельзя поставить рядом с кубинскими.

- Табак – он и есть табак. Лишь бы дым шел.

- Не спится?

- Да уж я за штиль выспался на три года вперед. Могу сменить вас.

- Э, нет, вахта – это святое, – с театральным пафосом произнес Остерман. И тут же сменил тональность на житейскую: - Но раз уж вы тут, давайте закончим разговор о британской угрозе. Жаль, нет под рукой тех газет, придется по памяти. Знаете, что твердят мудрецы из Нью-Йорка и Бостона? Англия никогда не позволит России проложить железную дорогу от Тихого океана к Балтике. Потому что если между Шанхаем и Парижем станут курсировать поезда, англичанам придется поставить на прикол половину своего торгового флота…

«Британская угроза?» - Орлов стал невольно прислушиваться к голосам, доносившимся сквозь свист ветра в снастях.

- … Никак не могу с вами согласиться. Британцам сейчас не до нас. Они вот-вот с французами схлестнутся, и не на Дальнем Востоке, а в Африке.

- В Африке все давным-давно поделено.

- Отнюдь не все, Илья Осипович, отнюдь не все. Драка развернется за верховья Нила. Англия рвется туда с севера, а Франция с запада. Позвольте спичку…

- Что за сигара, которая гаснет на ветру? Попробуйте хотя бы мои, кубинские!

- Благодарю, в следующий раз. Так вот. Войска Китченера застряли в Судане надолго. Правда, в прошлом году англичане высадили у Момбасы экспедицию полковника Макдональда, и тот направился вглубь материка. Но еще раньше французы из своего Конго отправили к Белому Нилу отряд майора Маршана. У французов выигрыш во времени, и более короткий маршрут. Добавьте и то, что Макдональд идет с суданскими солдатами, настроенными весьма недружественно. Уже появлялись сообщения о бунте в экспедиции, и я думаю, британцам придется нелегко. А французы умеют расположить к себе негров, и не встретят подобных затруднений. Да, пробиваться через джунгли - адский труд. Но раз негры там способны жить, то и белый офицер сможет пройти. Если бы мне предложили пари, я бы поставил на Маршана.

- Пока не вижу, из-за чего там может начаться война. Все это больше похоже на репортаж о скачках.

- Там, в верховьях Нила, стоит египетский форт – Фашода. Это узловая точка. Египет сейчас, как вы знаете, охвачен восстанием махдистов. Эти кочевники не держатся за опорные пункты, и взять Фашоду не составит труда даже для небольшого отряда. Весь вопрос в том, под чьим флагом будет этот отряд. Если Маршан займет Фашоду раньше, чем отряд Макдо-

нальда, то граница французских владений продвинется на пятьсот миль к востоку. А вы говорите, что все поделено. Придется, господа, заново перекраивать всю экваториальную Африку. А это, я вам скажу, дорогое удовольствие. Потребуются крупные вооруженные отряды. Племена там проживают дикие, воинственные, с белыми никаких связей не поддерживают, разве что в пищу их употребляют. Леса там физически непроходимы. Единственный способ передвижения – по рекам. Теперь представьте себе, что французским войскам удастся овладеть сразу двумя водными путями – и Нилом, и Конго. Разве Англия смирится с французским господством над Африкой? У них и без того накопилось слишком много взрывоопасных точек соприкосновения. И если где-то в Африке английские солдаты начнут стрелять во французских, то через неделю французские крейсера начнут топить английские пароходы. Достаточно одного выстрела, чтобы разгорелась война.

- Значит, и вам воевать. Франция – союзник России.

- Что ж, союзника мы, конечно, в беде не оставим. Но прямого столкновения России с англичанами, я уверен, не будет.

- Прямого, возможно, и не будет. А вот японской дубинкой англичане вас огреют сплеча. Как только ваши крейсера бросили якорь в бухте Порт-Артура…

Порыв ветра заглушил разговор. А потом голоса стали звучать неразборчиво, видимо, говорящие присели за какое-то укрытие.

Орлов вспомнил то далекое время, когда он целые дни проводил за изучением газет. Правда, он выискивал в них технические новости, а не политические сенсации. Но подслушанный разговор заинтересовал его. И он обрадовался, когда до него снова стали долетать голоса Ильи и его собеседника.

- … не самый удачный выбор. Внутренняя гавань тесна и мелководна. Из нее только один выход, причем узкий и мелкий. Чтобы завести крупный корабль, приходится дожидаться прилива, к тому же не обойтись без помощи буксиров. Но главная беда даже не в том, что Порт-Артур не защищен ни с суши, ни с моря. А в том, что эта база абсолютно не нужна флоту. Думаю, это шаг не стратегический, а демонстрационный. Политический, я бы сказал. Следовательно, обсуждать его с военной точки зрения бессмысленно.

- Да я в военном деле и не понимаю ничего, - говорил Остерман. – Но я понимаю, что японцы не потерпят такого соседства. Знаете, как в Нью-Йорке было в свое время? У каждой банды был свой район. Брали дань с торгашей и проституток, чистили карманы ротозеям, пьяных раздевали до нитки – но строго в своем районе. И если какая-то шайка вдруг начинала действовать на соседней территории, то разворачивалась настоящая война, со стрельбой, осадами и штурмами. Сдается мне, что с Порт-Артуром будет то же самое.

- Не с Порт-Артуром, а вообще с Кореей, с Маньчжурией, с Китаем. Мы слишком рано туда вошли. Нам бы сначала на Амуре закрепиться, железные дороги проложить, поселения обустроить. Но – нет. Вперед и вперед.

- Что поделать. Вы же сами говорите, идет передел мира. Когда делят мир, каждому государству хочется оттяпать свой кусок.

- Да, конечно. Беда только в том, что Англия считает весь мир своим. И оттяпать, как вы говорите, все хотят именно у нее.

- Так значит, я прав? – торжествующе спросил Остерман.- Будет война с Англией?

Снова открылась рубка, и Кирилл подвел к Орлову молчаливого рыжебородого крепыша.

- Сдавай вахту.

- Что так рано?

Орлов удивился, но, оглядевшись, понял, что скоро рассвет. Ночная чернота неба сменилась густой синевой, на горизонте протянулась серая полоса, и стало видно волны. Выходит, он и не заметил, как пролетело время самой тяжелой вахты.

Добравшись до места отдыха, он обнаружил, что его гамак уже снова расправлен, и на нем лежит свернутое одеяло. В соседней шлюпке возился, укладываясь, Остерман.

- Как отстоял, Паша?

- Как положено.

- А я, знаешь, первое время, когда пришлось с Кирой походить по морям-океанам, все боялся морской болезни. Мы тогда мальчишками были, нанялись на пароходик. Шатались до Феодосии и обратно. Иногда заштормит чуть-чуть, а пассажиров как начнет полоскать! Нам – ничего, а их выворачивает. И ничего тут не поделаешь. Морская болезнь – она и есть болезнь. Но некоторых она не трогает. Тебя, значит, тоже?

- Не знаю, - сказал Орлов. – Некоторых и в седле укачивает.

Он устроился в гамаке и накрылся одеялом, предвкушая блаженство короткого, но такого необходимого сна. Ему хотелось спросить у Ильи, кто такой этот Виктор Гаврилович. Но капитан Орлов удержался от вопроса.

Разговоры о неизбежности войны с Англией Орлов слышал на протяжении всей своей службы в Генштабе. А сразу после турецкой кампании он едва не попал в ахалтекинскую экспедицию генерала Скобелева, которая должна была наконец-то в открытом бою столкнуться с англичанами. Но – не сложилось. Орлова отправили в противоположном направлении: сначала в Гибралтар, а затем в Америку. Впрочем, и Скобелев так и не добрался русским штыком до английских мундиров: взяв Ашхабад, он не пошел дальше на юг, остановленный не британскими винтовками, а собственным правительством.

Да, разговоры о войне с англичанами были когда-то привычны для Орлова – но он никак не ожидал снова услышать их здесь, посреди Карибского моря.

***

Дневную вахту Орлова отправили нести на бак, впередсмотрящим. На горизонте виднелась темные бугорки, чуть выступающие над светлой водой. То ли острова, то ли облака – неважно, потому что они все равно оставались слева по борту. «Паллада» сменила курс и сейчас, заметно сбросив скорость, шла строго на юг. Это не радовало Орлова, потому что он понимал – они идут мимо Кубы. Возможно, к Ямайке. А то и к Пуэрто-Рико. «К островам» - понятие растяжимое.

Он заметил на горизонте какие-то серые хлопья, и поднес к глазам подзорную трубу.

- Вижу дым по левому борту!

- На руле! Зюйд-ост-тень-ост! - отозвался Кирилл из рубки.

Шхуна накренилась, поворачиваясь левым бортом к ветру. Орлов поднял воротник матросской брезентовой куртки, прикрывая лицо от брызг.

Дым на горизонте становился все более отчетливым. Он стелился над морем, а левее его темнела короткая полоска. Она казалась соринкой на бескрайнем лазурном поле. Но эта соринка скоро стала величиной со спичку, и в подзорную трубу Орлов мог разглядеть паровое судно, шедшее наперерез шхуне.

- Вижу пароход под американским флагом, - доложил он. – И еще какие-то флаги между мачтами висят, я в них не разбираюсь.

- Это сигнал такой, - отозвался Кирилл, поднимая бинокль.

Орлов вспомнил, что на пароходах вывешивались целые гирлянды разноцветных флажков. Каждый из них соответствовал какой-то букве, и таким образом составлялись целые фразы.

- Что они сообщают? – спросил он.

- Просят остановиться. Вежливо так просят. «Остановитесь, не то откроем огонь».

Орлов снова вгляделся в силуэт низкого парохода с высоко задранным носом и косой трубой.

- Какой огонь? Это гражданское судно.

- Мобилизованное, - сказал Кирилл. – Здесь сейчас много таких шатается. Боевые корабли воюют. А эти шастают туда-сюда. Вроде как блокаду держат. Петрович! Ложимся в дрейф!

Боцман откашлялся, покряхтел, поднимаясь на бак, и пробормотал:

- Опять болтаться? Вот уж плаванье так плаванье. Кому рассказать – засмеют.

- Нам спешить некуда, - ответил ему Кирилл, выходя из рубки.

Петрович разгладил бороду, выпятил грудь и гаркнул:

- Грот и фок на гитовы!

Орлов, продолжая следить за пароходом, услышал за спиной стрекотание лебедки. Заскрипели блоки, зашуршала грубая ткань, и в спину Орлову вдруг ударил ветер, от которого он до сих пор был укрыт за парусами.

- Виктор Гаврилович! – позвал Кирилл. – Господин Беренс! Выставляйте свою амуницию напоказ.

- Уже выставляю.

Орлов не справился с искушением и оглянулся, прервав наблюдение – уж больно хотелось ему увидеть загадочного Виктора Гавриловича.

Беренс выглядел весьма невзрачно. Невысокий и седоватый, с аккуратной бородкой клинышком, да еще со своими круглыми очками он гораздо уместнее смотрелся бы за кафедрой университета, чем на палубе шхуны. Однако по этой шаткой палубе он двигался весьма уверенно, и не только двигался, а еще и устанавливал на борт какое-то мудреное приспособление, вроде удочки с лебедкой. С непостижимой ловкостью он вскочил на планширь и подцепил на крюк своей «удочки» не меньше дюжины стеклянных банок, а потом, плавно вертя маховик, опустил эту сверкающую гирлянду в морскую пучину.

Затем Виктор Гаврилович поднес к глазам бинокль, вгляделся в приближающийся пароход и произнес с нескрываем презрением:

- Вот же пехота! Кирилл Андреич, вы обратили внимание на их сигнал? Си-Ай-Ди!

- Наверно, у них других флажков не нашлось.

- А они не боятся, что их самих могут принять за флибустьеров? Суда, занятые в блокаде морских путей, обязаны особо тщательно соблюдать этикет. Во всяком случае, могли бы не грозиться, а просто предложить лечь в дрейф для досмотра. Экая беспардонность. Может, вывесим в ответ «Подай назад»?

Пароход приближался, пыхтя и отфыркиваясь. Над носовым ограждением торчал ствол пушки. Рядом сгрудились моряки в темной униформе и белых кургузых шляпках, с карабинами, нацеленными на шхуну. Среди них выделялась фигура в белом кителе. Видимо, то был командир. Он поднял рупор и прокричал, перекрывая рокот машины:

- Команду выстроить на палубе! Люки открыть! Подать трап для досмотровой группы!

Из-за кормы парохода показалась шлюпка с четверкой гребцов. Пятый стоял на носу, опираясь коленом о переднюю банку. Когда лодка подошла к борту шхуны, он взялся за штормтрап, но не стал сразу взбираться по нему, а сказал:

- Я – старшина Пирс, береговая охрана Соединенных Штатов. Разрешите подняться на борт?

Орлов подивился такой деликатности. Однако Кирилл, стоявший у борта, тоже ответил вполне приветливо, словно не замечая ни пушки, ни наведенных на него карабинов:

- Капитан Смит. Добро пожаловать на «Палладу».

Пирсу, седому и грузному, на вид было за пятьдесят, но через фальшборт он перемахнул легко, и они с Кириллом пожали руки.

- Давно не видел русского флага в этих водах. А было время, барки с хлебом из Одессы шли в Новый Орлеан один за другим.

- Да, было время, - согласился Кирилл. – Сейчас американцы не покупают хлеб, а сами его продают. Пройдемте в рубку, старшина. Кажется, вы обязаны заглянуть в судовой журнал.

- Пустое, - отмахнулся Пирс. – Я и так вижу, что вы не везете оружие испанцам. Что в трюмах? Не беглые негры?

- Только балласт.

Старшина присел над открытым люком и глянул вниз.

- Сказать по правде, капитан и не останавливал бы вас. Но у нас на борту важная шишка. Сенатор. Пятые сутки идем от Флориды, и никого чужих не встретили. Он аж подскочил, когда вас увидел. Придем в Гуантанамо, небось, побежит на флагман, докладывать о своих подвигах. Я ему сразу сказал, что тут не может быть никакой контрабанды. Но ему охота покомандовать. А что за вымпел у вас на грот-мачте?

- Императорское Географическое общество. У нас научное судно.

- Да я вижу. – Старшина прошелся вдоль борта и остановился возле приспособления, установленного Беренсом. - Что это за хрень?

- Это самая научная хрень из всей хрени на этом судне, - гордо заявил Виктор Гаврилович, щеголяя безупречным матросским произношением. – Мы берем пробы воды с различных глубин. Измеряем температуру и плотность. И таким образом составляем карты морских течений.

- Полезное дело, - кивнул старшина. – Я бы дорого дал за такую карту. Особенно если б на ней были указаны течения между островами. Если надумаете идти к Ямайке, держите южнее, тогда вас никто больше не остановит. К Кубе идти не советую. Там сейчас теснота, не протолкнуться. Весь флот сгрудился у Сантьяго, да еще орава таких же, как этот китобой, мобилизованных. А там, где нет наших, можно напороться на испанские канонерки. Они попрятались на мелководье среди островов.

- У нас нейтральный флаг, - сказал Кирилл.

- Испанцы его могут не разглядеть. Так что держитесь южнее. Потом, когда кончится война, будете изучать течения вокруг островов. А сейчас не стоит рисковать.

- Спасибо, старшина.

- А разве война еще не кончилась? – спросил Беренс.

- Черт ее знает. Говорят, у испанцев не осталось ни одного боевого корабля. Говорят, в Сантьяго нет ни одного солдата, и наши комендоры долбят по гражданским. Говорят, у нас уже серьезные потери: не боевые, а из-за лихорадки и дизентерии. Если это называть войной, то она еще не кончилась. Черт его знает, что это за война. Но вы все же держитесь южнее.

Он еще раз пожал руку Кириллу и ловко спустился обратно в шлюпку.

Пароход коротко и сипло прогудел, забухтел машиной и пошел себе дальше.

- Дрейфуем до темноты, - сказал Кирилл. – Ночью выйдем на траверс Сьенфуэгоса, с рассветом пойдем к берегу.

- А если этот вернется? – спросил Петрович, провожая пароход недобрым взглядом.

- Ему незачем возвращаться. Ты же слышал: весь флот собран к Сантьяго-де-Куба.

- Тогда чего ради он тут оказался?

- Вы же слышали, Лука Петрович: везет сенатора к месту боевых действий, - сказал Беренс. – Сейчас каждый политик обязан отметиться на войне. Тяжкое бремя патриотизма.

4.

Ночью на горизонте порой мелькали сполохи. Орлов поначалу принял их за далекую грозу. Но потом увидел, как по облакам словно белая спица прошлась. Он понял, что там, вдалеке, работают мощные корабельные прожектора. И порадовался тому, что «Паллада» направлялась совсем в другую сторону.

Рассвет уже тлел на горизонте, когда Орлов снова встал к штурвалу.

- Норд-ост, - сказал ему рулевой. – Да не зевай, землей пахнет.

Это были первые слова, услышанные Орловым от него. В команде «Паллады», кроме Остермана и кока Макарушки, состояли еще трое молчаливых здоровяков. По виду – родные братья. Все рыжие, с курчавыми бородами, с наколками на руках. Боцманские команды выполнялись ими ловко, слаженно. И молча. Ни между собой, ни с коком, ни с Петровичем они не перекинулись ни словечком. Орлов даже поначалу решил, что они какие-нибудь датчане либо исландцы – на кораблях кого только не встретишь.

Но сейчас, сдавая вахту, одному из рыжих пришлось заговорить. И оказалось, что Остерман не обманывал, когда заявлял, что на борту все русские.

- Есть норд-ост, - ответил Орлов.

Он прикинул, где сейчас должна находиться шхуна. Весь день «Паллада» дрейфовала, и весь день Беренс с Кириллом только и делали, что определяли местонахождение. На закате подняли паруса и, вопреки рекомендациям старшины Пирса, взяли курс к северу. По всем расчетам Орлова выходило, что где-то рядом уже должна быть Куба. Значит, осталось недолго. Насколько он понял из услышанного, на Кубе им надо будет кого-то взять на борт, чтобы доставить в Галвестон. Причем на этот раз шхуне не придется кружить и топтаться на месте, вызывая ворчание Петровича. На этот раз все будет проделано с наибольшей возможной скоростью. До сих пор «Паллада» подкрадывалась к Кубе, словно кошка к пичуге - медленно, двигаясь в сторону от цели, и даже не глядя на нее, чтобы потом настичь одним внезапным броском. Но, перешагнув невидимую линию морской блокады, медлить было уже нельзя.

Почему-то до сих пор Орлову не приходило в голову, что он направляется в край, охваченный войной. Да, на Кубе шла война, и шла уже давно. Еще во время службы в рейнджерах Орлов не раз подумывал о том, чтобы сменить горы и пески Техаса на кубинские пляжи и пальмы. И, если бы не встретил Веру, наверняка уехал бы на Кубу, помогать повстанческой армии, как сделали некоторые из его знакомых. Нет, он вовсе не разделял энтузиазма американских газетчиков, пишущих о героической борьбе кубинского народа против бесчеловечных извергов-испанцев. Наверно, газетчикам хорошо платили те, кто собирался освоить Кубу так же, как они освоили Колумбию, Панаму, Гондурас, да и Мексику тоже. Испанцы уйдут, и у сахарных плантаций появятся новые хозяева – из Техаса и Флориды. В кубинских городах откроются лавки, торгующие товарами из Иллинойса, Огайо и Пенсильвании. А в кубинских портах обоснуются броненосцы под звездно-полосатым флагом, перекрывая входы в Мексиканский залив. Стратегические итоги этой войны абсолютно не волновали Орлова. Кроме того, он знал, что основную часть так называемой освободительной армии составляют мелкие банды, которые занимались поджогами плантаций и фабрик, а также грабили население, чтобы прокормиться. И действия испанцев по наведению порядка, в принципе, были законны и необходимы. Больше того, Орлов даже испытывал некоторое сочувствие к испанцам, как к стороне, обреченной на поражение. И если бы получил от них предложение, вполне мог бы занять место, скажем, советника по борьбе с диверсионными группами.

Сказать по правде, Орлову тогда было все равно, за кого воевать. Ему просто хотелось оказаться на новом для себя театре военных действий. У него был небольшой опыт войны в горах, в пустынях, в лесу. Но то, что он слышал и читал о кубинской войне, порождало в нем множество вопросов. Как вести бой во влажных тропиках? Как проводить разведку в непроглядных зарослях? Как организовать передвижение войск и обозов там, где любой шаг дается с трудом? Как высаживать с кораблей пехоту и артиллерию на мангровом побережье? Он мог найти ответ только там, на Кубе. А потом изложить свои новые познания в каком-нибудь «Военном вестнике». Может быть, русской армии когда-нибудь пригодятся его советы? Если в Зимнем дворце мечтают увидеть царский штандарт на берегу Индийского океана, то в Генеральном Штабе вместо мечтаний надлежит заниматься разработкой планов. Брать штурмом

горы – привычное дело для русского солдата. А вот пройдут ли наши полки сквозь джунгли? Пройдут, конечно - если будут подготовлены.

Он так и не уехал на Кубу. А потом встретил Веру, и его жизнь наполнилась новым смыслом. Война в его сознании отодвинулась куда-то на самые дальние тыловые позиции. Он почти забыл о ней – и вдруг она сама напомнила о себе. Не просто напомнила, а шагнула ему навстречу. И кто знает, удастся ли ему вовремя отступить, увернуться, избежать новой крови …

Слева по борту показались острова. Орлов поначалу принимал их за надвигающиеся тучи – пока солнце не высветило в утреннем небе настоящие облака. Чем ярче разгорался рассвет, тем больше островов можно было разглядеть. Их неясные силуэты тянулись по горизонту неровной цепочкой: одни повыше, другие пониже, одни длиннее, другие короче. «Мы идем к островам», - вспомнились слова Остермана.

- На руле! – послышался голос Кирилла. – Взять строго на ост!

- Есть строго на ост!

Орлов перестал любоваться морем, переведя взгляд на компас. А когда снова оглянулся на острова, их цепочка заметно поредела. Наконец, последнее пятнышко скрылось за горизонтом, и вместе с ним растаяла надежда Орлова на скорое окончание рейса.

Куба, Куба… Где же ты, Куба?

- Вот и Куба, - услышал он голос Беренса из капитанской рубки. – Сколько на хронометре, Кирилл Андреевич?

- Семь двадцать две.

- Двигаемся с опережением. Позвольте ваш бинокль… Нет, отсюда не понять, где мы. Еще с полчаса такого хода, и должен появиться маяк. Тогда и решим. Пока держите прежний курс.

- Может быть, взять к норду?

- Нет-нет, пока нет причин сомневаться в наших расчетах.

Орлову очень хотелось бросить хотя бы один взгляд на долгожданный берег, но со своего места он видел только бескрайнее и пустое море справа и слева, да стену надстройки перед собой, да тумбу с компасом. («Нактоуз, а не тумба!», - поправил он сам себя). Впрочем, если земля показалась прямо по курсу, значит, скоро ее станет видно отовсюду. К тому же до конца вахты осталось не так много времени.

Вся немногочисленная команда шхуны уже носилась по палубе, выполняя команды боцмана. Орлов, сдав штурвал Макарушке, прошел вперед, на бак, нетерпеливо вглядываясь в зеленую выпуклость на горизонте. Она была едва различима под низкими облаками. И вдруг в разрывах туч показались лиловые вершины гор. Они словно парили над морем.

- Ялик на воду! – рявкнул Петрович.

Остерман схватил Орлова за локоть:

- Что стоишь? Ялик – по нашей части. Бегом на корму.

- Отчего такая спешка?

- Никакой спешки. На кораблях всё – бегом.

Вдвоем они спустили на воду небольшую шлюпку, висевшую на кормовых рострах, и она побежала за шхуной, как жеребенок за кобылой.

- А ялик зачем спускали?

- Чтобы потом время не терять, когда он потребуется, - пояснил Илья. - Дно промерить, якорь занести или еще для чего. Как придем на место, еще и вельбот спустим, народ возить.

- Какой народ?

- Ой, Паша, чего прицепился! – поморщился Илья. – Давай лучше - по глоточку перед завтраком.

Он достал из-за пазухи плоскую фляжку и протянул ее Орлову.

- Нет, спасибо.

- А я не утерплю. - Илья основательно приложился к фляге и вытер губы рукавом. – Зря ты отказываешься. Так и простыть недолго. А впереди-то, глянь, дождь.

Орлов поглядел вперед. Над далеким берегом нависли тяжелые тучи, затушевав косым дождем белую полоску прибоя и зеленую стену леса.

- Вижу маяк! – крикнул наблюдатель.

- Беру пеленг! – отозвался Беренс.

Через минуту Кирилл скомандовал:

- На руле! Курс тридцать семь!

Илья снова отвинтил колпачок фляги:

- Ну, теперь держись. Давай, Паша, тяпнем за удачу. Ты когда-нибудь садился на риф? Выпьем, чтобы все рифы прошли мимо нас…

- Орлов! – рявкнул Петрович. – Готовь вельбот! Барахло выкинуть, весла собрать, парус расчехлить, живо! Илюшка! Лотовым встанешь!

Приборка в вельботе, который, видимо, использовался как склад для всякого хлама, отняла много времени. Орлов отвлекся от работы только тогда, когда услышал грохот и рев близкого прибоя. Он глянул на море и увидел пенную полосу рифа. Над ней висела стена брызг, море словно кипело над невидимой преградой. Шхуна долго шла вдоль рифа, набирая ход с попутным ветром, а потом круто свернула к берегу.

Виктор Беренс забрался на переднюю мачту и оттуда выкрикивал короткие команды. За штурвалом стоял Кирилл, и, подчиняясь ему, «Паллада» лавировала, лихо проносясь между рифами. Берег, однако, оставался все еще вдалеке. Но ветер порой уже приносил оттуда запахи влажного леса. И этот запах пьянил не хуже, чем джин.

- Слава тебе, Господи, - проговорил Макарушка, заглянув к Орлову в вельбот. – Пронесло. Ты-то как, управился? Далее-то уж полегче будет. Теперь можно и печку растопить, уж дергать туда-сюда не станут. Приказано готовить с запасом. Принеси-ка мне рису мешок из трюма. А потом – водицы свежей.

Орлов закрепил весла, уложил вдоль борта свернутый парус и выпрыгнул из вельбота на палубу. Помогая коку, он снова перестал следить за берегом. И вдруг, услышав громкие крики чаек, оглянулся.

Совсем рядом, в двух сотнях шагов, кудрявые бурые деревья стояли прямо в воде, и волны гасли, набегая на них.

Илья, стоя на носу шхуны, наклонялся и распрямлялся, работая с лотом. Время от времени он выкрикивал:

- Двенадцать футов – чисто!

- Лево руля! – закричал вдруг Беренс с мачты. – Круче лево, еще круче! Грот к ветру!

- Десять футов!

Снасти взвыли от резкой смены курса.

- Восемь футов! Семь футов!.. Восемь!.. Десять! Двенадцать футов – чисто!

- На руле! Так держать!

Макарушка перекрестился:

- Шли бы с грузом… Да если бы не прилив – точно сели бы на камни. Пронесло.

Не сбавляя ход, «Паллада» стремительно приближалась к скалистому выступу берега, окруженного полукольцом рифов. Орлов ничего не смыслил в морском деле, но и ему было ясно, что спустя какое-то время шхуна неизбежно врежется в эти скалы, либо сядет на рифы. И вдруг берег словно раздвинулся, и между отвесными склонами показалась изумрудная гладь лагуны. Шхуна резко накренилась, целясь носом в узкий проход.

- Человек в море! – закричал кто-то с кормы. – По левому борту! Человек на рифе!

Наверно, в этот миг только Беренс и Кирилл не оглянулись влево, поглощенные своей работой.

- Где? Да вот он, рукой машет! Пропал! Нет, держится! Разобьется! Петрович, что делать-то будем? Пропадет человек!

- Цыть! Ход потеряем – сами пропадем! – прикрикнул боцман. – Кирила Андреич, твое слово!

- Одного в ялик! – отозвался Кирилл, не оборачиваясь. – Подберешь, и к берегу, тут близко, не заплутаешь.

«В ялик? Это он про меня», - подумал Орлов, а Петрович уже протянул ему бутылку в джутовой оплетке:

- Анкерок с водой - под задней банкой. Дашь напиться, а потом сразу джину влей, для сугреву. Да куртку-то, куртку возьми!

Орлов поддернул ялик ближе к шхуне и спрыгнул в него. Сверху ему сбросили пару курток, и он принялся работать веслами.

- Нос левей! – подсказывал боцман. – Еще! Так и держи! Так! Возьми створ на берегу! И держи прямо! Выйдешь точно на риф, а там увидишь!

Шхуна отдалялась с удивительной быстротой, и голос Петровича уже едва доносился, заглушаемый плеском воды и свистом ветра над волнами. Орлов зацепился взглядом за пару береговых ориентиров, стоящих на одной линии – огромный валун, выступающий из прибоя, и пальма с раздвоенным стволом. Он греб, порой хватая веслами воздух, когда легкий ялик подскакивал на волне. За спиной все слышнее становился шум воды, разбивающейся о риф. «Как бы самому не застрять», - с опаской подумал Орлов и оглянулся. Он не увидел ничего, кроме мелькания волн и пены.

Ему казалось, что ялик стоит на месте и только переваливается через набегающие волны. Но нет. Он не стоял на месте – его сносило мощным приливным течением. Глядя на берег поверх низкой кормы, Орлов сильнее заработал правым веслом, чтобы снова совместить на одной линии валун и пальму.

Со шхуны риф казался ближе. И безопаснее. А для хрупкого ялика встреча с острыми подводными камнями могла закончиться весьма плачевно.

Едва Орлов подумал об этом, как в шуме волн услышал какие-то удары. Он повернул голову и увидел недалеко от себя разбитую лодку. Точнее, только ее заднюю половину. Перевернутая, с проломленным бортом, она вздымалась вместе с волной, но не уносилась с места, а обрушивалась вниз, с грохотом падая на невидимые отсюда камни.

Орлов бросил весла и привстал, держась за натянутый носовой конец, словно за поводья шального жеребца. Он огляделся. В белой кутерьме волн мелькнула черная точка. Голова?

Он свистнул, и над головой показалась рука. Донесся прерывистый выкрик:

- Эй! Я здесь!

- Сейчас подойду! – крикнул Орлов.

- Нет! Нет! Оставайся… На месте… – закричал человек на рифе, мешая испанские и английские слова. - Камни… Я плыву к тебе….

Орлов развернул лодку бортом к плывущему, ялик стал болтаться между волнами, переваливаясь с боку на бок. Боясь опрокинуться, Орлов обвязал вокруг пояса кормовой конец – если и свалишься в воду, успеешь подтянуться к лодке.

Пловец шумно хлопал руками по воде, понемногу приближаясь. Наконец, он вцепился в борт ялика и замотал головой, по-собачьи стряхивая воду с длинных волос.

- Держи руку! – крикнул Орлов, отпустив весла.

- Нет! Выгребай! Я сам!

Ялик накренился, и пловец перевалился в него вместе с потоком воды.

- Выгребай! Пока прилив, проскочим над рифом! Пить! Дай воды!

- Под банкой! – ответил Орлов, решив, что утопающий, который вместо криков о помощи произносит четкие команды, вполне в состоянии самостоятельно отыскать и открыть анкерок с водой. Да и бутылку с джином не оставит без внимания.

Ялик развернулся носом к берегу. Ветер бил в лицо, швырялся брызгами, но то была плата за помощь – лодка теперь шла гораздо быстрее, обгоняя волны и оставляя за собой пенный след.

Орлов смотрел через плечо, стараясь держать направление к лагуне, чья неправдоподобно спокойная поверхность зеленела между скалами. А спасенный тем временем осваивался в лодке. Он разделся догола и выжал одежду. Обнаружив сухие куртки, одну натянул на себя, а вторую обернул вокруг бедер. Долго и жадно пил воду из анкерка. С джином же он поступил совершенно по-варварски: вместо того, чтобы выпить, стал плескать на ладонь и растирать себе грудь и шею! После чего принялся вычерпывать набежавшую воду со дна ялика. А потом свернулся калачиком между банками и закрыл глаза. Орлов видел, что его бьет дрожь, и не стал приставать с расспросами. «Сам расскажет все, когда доберемся до шхуны», - подумал он, наконец-то снова увидев знакомые паруса между скал.

Шхуна уже вошла в лагуну, которая казалась Орлову недостижимой. Ему приходилось бороться и с прибоем, и с течением. Приняв пассажира, лодка стала гораздо ниже сидеть в воде, и волны перехлестывали через край. Ладони горели, спина ныла от непривычной работы. Он греб, стиснув зубы и стараясь пореже оглядываться на берег.

Вдруг лодка вознеслась на высокой волне. Орлов едва успел выровнять нос поперек гребня, иначе непременно опрокинулся бы. Ялик скользнул вниз, убегая от пенной вскипающей дуги. Не убежал. Волна зеленой прозрачной стеной поднялась над ним, надломилась – да и обрушилась на корму. Орлов, враз промокший до нитки, оказался по колено в воде.

- Мать твою!

- Каррамба!

Они вдвоем кинулись вычерпывать воду. А потом оба уселись за весла. Теперь ялик понесся резвее, задирая нос и шлепая им по волнам.

Пройдя между скалами, они подняли весла, и лодка заскользила по тихой воде. В бухте, окруженной скалами, стояла такая тишина, что Орлову показалось, будто он оглох. Он даже успел решить, что это следствие перенесенных им контузий. Вера предупреждала, что нечто подобное может произойти, если он не бросит курить, и не будет беречь уши от ветра…

Но нет, слух еще не потерян - весла скрипели в уключинах, и плескалась вода, и чайки перекрикивались, кружа над шхуной, застывшей у берега.

- Ты с этой шхуны? – спросил тот, кого он спас.

На этот раз он говорил по-английски.

- Да, - ответил Орлов.

- У вас не испанский флаг. Ты не испанец? На шхуне есть испанцы?

- Слишком много вопросов сразу, - сказал Орлов.

- Прости. Я слишком долго молчал.

- Испанцев тут нет.

- Испанцы тут везде. На каждой скале по испанцу. Хорошо бы забраться на шхуну раньше, чем они меня заметят. – Он вытер ладонь о куртку и протянул ее Орлову: - Френсис Холден, репортер из Бостона.

- Брукс. Джим Брукс, матрос.

***

Поднявшись на борт, репортер спросил, заикаясь:

- Есть у вас чистая бумага и карандаш? Мне надо срочно сделать кое-какие записи.

- Тебе надо срочно согреться, - сказал Петрович, накидывая на него одеяло. – У тебя губы черные. И ноги не держат.

Ноги у Холдена и в самом деле безвольно согнулись, и он рухнул бы на палубу, если б Орлов не успел его подхватить.

- Бумагу мне, бумагу и карандаш, - слабеющим голосом просил Холден, пока матросы укладывали его в гамак и закутывали одеялами.

- Ледяной! – ужаснулся Макарушка, растирая американцу серые распухшие ступни. – Чисто покойник! А ноги-то, ноги изрезал! В клочья порвал!

- Грогу свари, с ягодной настойкой! – приказал ему Петрович, а сам наклонился над спасенным. – Ты отдыхай. Отпусти себя. Все кончилось. Долго в воде был?

- Нет. – Американец закрыл глаза, и голос его стал глуше. – Не знаю… Лодка наскочила на риф вечером. Переломилась. Мачта зацепилась за камни. Я держался за нее. Иногда стоял на камнях.

- Значит, всю ночь там простоял?

- Да. Нет. Две ночи.

- Почему не поплыл к берегу? Дождался бы прилива, и поплыл…

- Не было сил. Я плохой пловец. Днем шел дождь. Я ловил его руками и ртом. Чайки. Проклятые чайки… - Он открыл глаза. - Где я? Кто вы все?

- Мы? Друзья, - сказал Петрович.

5.

Предоставив спасенного американца заботам Петровича и кока, Орлов поискал взглядом Илью. Сейчас он бы не отказался от его заветной фляжки. Но Остерман стоял на баке рядом с Беренсом и Кириллом, и они, казалось, даже не заметили, что на борту появился новый пассажир. Все трое молча глядели на берег.

Команда «Паллады» также не выказывала никакой радости по случаю окончания перехода. Оживление, царившее на борту, пока шхуна неслась к берегу, сменилось мрачным унынием, когда берег был, наконец, достигнут.

Шхуна стояла у длинного причала. Точнее, у остатков причала – над водой поднимались обугленные торцы свай, пунктирной линией уходящие к берегу.

Беренс, скрестив руки на груди, дымил сигарой, зажатой в зубах.

- Ялик вернулся? – спросил он, не оборачиваясь.

- Да, - сказал Кирилл, глянув на подошедшего Орлова.

- Горело давно, - сказал Илья. – Вон сколько помета на сваях.

- Не факт, - равнодушно возразил Беренс. – Чайки могут все загадить за день.

- Но за день нельзя убрать с берега большой поселок. Сколько, вы говорите, там жило?

- Работников оставалось шесть десятков. Да прочих человек сорок. Могли и беженцы прибиться. Да, поселение крупное… Было крупным. Так, значит, ялик вернулся? Пожалуй, я один схожу на берег. Не нравится мне эта тишина. Схожу один.

- Вот еще! – Илья хлопнул по плечу Орлова. – Паша, ты как? Мозоли не сбил? Прогуляемся на берег? У Виктора Гавриловича там дела, а мы с тобой крабов наловим. Любишь крабов?

Орлов оглядел берег. На белоснежном песке не было ни души, и за редкими пальмами никто не мог спрятаться. Разве что в полосе кустов? Нет. Там над зеленью беззаботно порхали птицы. Им некого было бояться.

И все же капитан Орлов чувствовал, что там, на берегу, его ждет враг.

- Крабы разные бывают, - сказал он. – На иного без ружья лучше не ходить.

- Вот и я о том же, - Илья с улыбкой глядел на Кирилла.

Но тот помотал головой:

- Оружие не брать. Если появятся военные, расстреляют на месте.

- Да-да, - кивнул Беренс. – Война, господа, война. Гражданское лицо с оружием считается вне закона. Бандитов уничтожают без суда и следствия.

- Переоденься в сухое, - сказал Кирилл Орлову. – И возьми мачете.

- Мешок для крабов прихватите! – крикнул с кормы Петрович.

***

Вода в бухте оказалась чистейшая, видно было каждую морщинку песчаного дна. Когда ялик набежал на отмель, Беренс соскочил в воду и пошел к берегу. Орлов отправился за ним. Мелкие рыбешки кружились у дна. Они испуганно разлетались в стороны, и тут же возвращались, чтобы порыться в легкой мути над следами.

С берега доносилось пение множества птиц. Легкий ветер играл перистыми листьями пальм. Дальше, за пальмовой рощей, высилась зеленая стена гор. Пряные и цветочные запахи кружили голову. Ступив на береговой песок, Орлов увидел, что он весь рябой от недавнего дождя. «Никого здесь нет, - подумал Орлов. – Никого. А место – райское».

- Странно, что нет мошкары, - сказал он.

- Здесь всегда ветер, - пояснил Беренс. – Сквозняк. Вход в бухту смотрит на юго-запад, а вон там, на северо-востоке, лежит ущелье. Получается канал для движения воздуха между скалами. Поэтому здесь можно жить, не боясь москитов.

- Непохоже, что здесь кто-то живет, - сказал Орлов. – Кроме птиц и рыб.

- Ну, тут еще есть крабы. Соберите их пока для Луки Петровича. Берите голубых. У них сейчас панцирь мягкий, это такой деликатес. - Беренс протер очки и огляделся. – Да, соберите крабов. А я пока осмотрюсь.

Орлов принюхался. Теперь он смог различить в воздухе тревожные струйки кисловатой гари. Так пахнут мокрые угли.

Илья с мешком на плече бродил по пояс в воде между сваями, вглядываясь в камни под ногами.

- Крабы тут вкусные, - рассеянно продолжал Беренс, - особенно если их в рисовой муке обвалять…

- А почему поселок был так близко к воде? – спросил Орлов. – Неужели местные не боялись урагана?

Не дожидаясь ответа, он зашагал к полосе кустарника. Ему уже было ясно, что это не просто кустарник, а заросшие бурьяном огороды. В густой траве проглядывали остатки тропы. Пройдя по ней, он увидел, откуда шел едва уловимый запах гари – черные прямоугольные пятна на месте сгоревших тростниковых хижин. От опорных столбов остались лишь обгоревшие пеньки. На выжженной земле поблескивали лужицы недавнего дождя.

Да, поселок был большим. И необычным. Он явно не вырос тут стихийно, а был построен по плану. Шесть необычно длинных домов на одной стороне улицы, четыре – на другой. Улица? Нет, дорога, широкая и твердая. Она вела от причала к горам. Орлов прошелся по ней и обнаружил за кустами остатки колодца. То был обычный сруб, и, наверно, до пожара над ним возвышался колодезный журавль – вот его обгоревшая жердь чернеет в траве. Обычный колодец, как в любой русской деревне. Но как он появился на Кубе?

Орлов заглянул в квадратный провал и посмотрелся в дрожащее зеркальце воды.

- Вода здесь солоноватая, - сказал, подойдя, Беренс. – Но пить можно. И река тут недалеко. Выше, в горах, есть родники. Позвольте ваш мачете.

Орлов вытянул из-за пояса тесак, но Беренсу не отдал.

- Что надо рубить?

- Ничего не надо рубить. Я тут кое-что обнаружил, хочу слегка копнуть. Пока помогите Илье с крабами. Вдвоем вы справитесь быстрее. А когда Макарушка их зажарит, еще пожалеете, что мало принесли.

- Что вы тут могли обнаружить? – спросил Орлов. – Тростник сгорел дотла. Но хижины были пустые. Ни костей, ни остатков утвари. Люди ушли и сожгли свои дома сами.

- Сами? Сомневаюсь. – Беренс покачал головой. – Ушли? Да. При этом унесли с собой все, что здесь было. Хоть бы одну лопату оставили.

- Покажите, где копать.

- Павел… э-э…

- Григорьевич.

- Павел Григорьевич, любезнейший мой Павел Григорьевич, - с улыбкой произнес Беренс, - неужели вам доставит удовольствие рыться в выгребной яме?

- Покажите, где копать, - спокойно повторил Орлов.

Лопата все же нашлась, когда он немного поработал своим мачете, прорубая тропу. И не одна. Заржавленные, с обломленными черенками, они валялись в бурьяне возле заросшей выгребной ямы.

Едва сняв верхний слой комковатой бурой земли, Орлов понял, что лучше перейти на другую сторону. Он сменил позицию, устроившись рядом с Беренсом. Теперь ветер относил от них запах, поднимавшийся сквозь сырой песок.

Копать пришлось недолго.

Когда к ним подошел Илья, они сидели в сторонке и курили, пытаясь табачным дымом заглушить смрад.

Остерман уронил мешок, в котором скрежетали и щелкали наловленные им крабы, и длинно выругался по-испански. Потом заглянул в раскоп и зажал нос.

- Да сколько же их там?

- Полагаю, человек пять-шесть, не больше, - сказал Беренс, вытирая лоб рукавом.

- Застрелены?

- Расстреляны. Извольте видеть: у двоих, что сверху, руки скручены проволокой за спиной. Ставили над ямой и стреляли сзади. В затылок.

- Из чего стреляли?

Орлов молча открыл перед ним ладонь, на которой покатывались две потускневшие гильзы от винтовки Маузера.

- Армейские дела?

- Трудно сказать, - Беренс пожал плечами. – При случае расстреливают и те, и другие. Это раньше повстанцы обходились одними мачете. А сейчас, говорят, у них есть все, что лежало до поры в американских арсеналах.

- Но тут же не наши, так? – Илья, зажав нос, наклонился над телами. – Негры?

- Наши, - сказал Беренс. – Почернели.

- Руки связаны телефонным проводом. Узелок занятный… Не знаю, кто расстреливал, но связывал человек опытный. Интересно, где он тут провод нашел. – Остерман выпрямился, сняв шляпу. - Значит, наши? И что? Не оставлять же их так.

- Вон там, за пальмами, кладбище.

- Ну, вы как хотите, а я пошел за похоронной командой, - сказал Илья. – Не то проваландаемся до утра.

***

К вечеру на окраине сожженного поселка, на кладбище, возле обгоревших развалин часовенки, появились семь новых крестов.

Воду из колодца нагрели на костре в большом котле и долго, тщательно мылись, песком и мылом оттирая с кожи неистребимый могильный дух.

Здесь же, на углях костра, были зажарены крабы. Наверно, они удались на славу. Остерман даже снисходительно заметил, что сей деликатес можно поставить рядом со знаменитой одесской барабулькой. Но Орлов не чувствовал вкуса, словно жевал промасленную бумагу. От джина он отказался. Снова и снова набивал трубочку, и, дымя ею, все поглядывал на горы, покрытые плотной курчавой зеленью.

- А куда ведет эта дорога? – спросил он у Беренса. – Тут поблизости есть какой-то город?

- Нет. Городов поблизости нет. Там, за горами, Сьенфуэгос, миль пятьдесят по прямой, и три-четыре дня ходу. Мы туда ходили на баркасе, так быстрее, особенно если ветер хороший. А эта дорога никуда не ведет.

- Никуда?

- Там карьер. Оттуда возили камень, когда строили причал. Взрывали скалу, возили сюда бой. Валили лес там же, вокруг карьера, и волокли сюда. Вот и натоптали дорогу.

- Значит, люди не могли уйти по ней?

- Не могли.

- Тогда остается предположить, что они ушли морем, - сказал Орлов.

- Или лесом, - ответил Беренс, кивнув в сторону гор.

- Чего гадать! – Остерман разлил джин по кружкам. – Завтра с утра пройдемся вокруг, хоть чего-нибудь, да найдем. Мы с Кирой в пустыне, на голых камнях следы читали. А тут – детская забава. Чтобы толпа ушла лесом и не наследила? Не смешите меня.

- Тела, судя по их состоянию, лежали в земле несколько месяцев, - сказал Беренс. – Я отбыл отсюда в январе. Если все случилось зимой или даже весной, следы давно заросли.

- Значит, искать бесполезно?

- Я этого не говорил. Там, в лесу, прячутся несколько деревушек. В одной живут индейцы, с ними будет трудно договориться, они при виде белых прикидываются глухонемыми. Но попытаться все же можно. А еще выше живут китайцы. Те с нами, можно сказать, дружили. Они разводят свиней, держат коз. Мы к ним часто наведывались за мясом, за молоком. Они могут что-то знать. Хотя я, в основном, возлагаю надежды на тех, кто живет на реке. Там большая по местным меркам деревня, домов семь-восемь. Там дорога. Наши не могли пройти другим путем, если уходили в горы…

Они сидели вокруг угасшего костра и смотрели, как солнце опускается в море, как раз между скалами, прикрывающими вход в лагуну.

Орлов не задавал лишних вопросов. Когда понадобится, ему скажут все, что нужно знать. Но не сейчас. Сейчас команде «Паллады» надо было прийти в себя после удара. Они переплыли залив. Они рисковали, просочившись сквозь блокаду. Они должны были принять на борт людей, для которых были подготовлены пустые трюмы и множество свернутых матросских коек, и для которых кок Макарушка с утра затеял готовить богатое угощение. И вот – эти люди пропали. Вместо встречи получились похороны. Какие уж тут вопросы?

Спрашивать надо было не Беренса, и не Кирилла – прежде всего ему надо было спросить самого себя. Где его место? Отправится ли он завтра на поиски или останется на шхуне? Он чувствовал, что выбор придется делать самому.

«Вспомни, как ты оказался здесь, - сказал он себе. – Ты бежал от смерти. Ты должен вернуться домой живым и здоровым. Тебя ждет семья. Бог миловал тебя. Ты уже катился в пропасть, а он – в который раз! – протянул тебе руку помощи. Так сделай же то, что от тебя требуется. Вернись домой. Ты нужен Вере и Гришутке. Представь, как тяжко им придется, если завтра ты уйдешь в лес – и не вернешься оттуда. Ты рискуешь не своей жизнью, а их счастьем».

- А если завтра ничего не найдем? – спросил вдруг Кирилл. – Сколько времени вы собираетесь здесь провести?

- Не знаю, - ответил Беренс. – Если никто не помешает, за два-три дня можно обследовать обширную территорию. Люди не могли растаять, как снег. Они где-то рядом. Если же не найдем ничего – значит, они ушли морем.

- И что тогда? – спросил Остерман. – Пойдем вдоль берегов? На воде следов не остается.

- Попытаемся навестить рыбаков. Здесь и на островах. Они могут что-то знать. Но я все же предпочел бы начать с поисков в лесу. Ведь их лодок не хватило бы на всех, значит, сами уплыть не могли. Мне трудно поверить, что сюда вошло большое судно. Об этой бухте мало кто знает, и даже местные считали, что сюда нет прохода. Нет-нет, если искать, то только в лесу. – Беренс помолчал, раскуривая погасшую сигару. И добавил: - Но можно и не искать. Война, господа, война. Обстоятельство непреодолимой силы.

Кирилл встал, отряхиваясь от песка.

- Два дня. Потом уходим к островам. А сейчас - домой. Соберемся заранее, да и ляжем пораньше. Выйдем на рассвете. Втроем.

- Капитан не должен покидать корабль без особой необходимости, – сказал Беренс. – Если вы, Илья Осипович, согласитесь мне сопутствовать…

- Мы с Кирой всегда работаем в паре, - сказал Остерман. – Вот увидите, найдем мы ваших казаков.

- Казаков? – вырвалось у Орлова. – Каких казаков?

Ему показалось, что Илья смутился. Но Беренс ответил спокойно:

- Частью от Кубанского войска, частью от Амурского.

***

Вахты перекроили, и Орлову выпало дежурить с четырех утра. Он лег спать в полночь, но долго не мог заснуть, обдумывая, как бы подступиться к Кириллу со своими советами насчет завтрашней вылазки. Может быть, они и сами догадаются разбиться, чтобы прочесывать в поисках следа одновременно три сектора, назначив место схода. Может быть, они и без него знают, что, несмотря на жару, придется надеть крепкие ботинки и рубахи с длинным рукавом. Может быть, они сами способны приготовиться к поиску на вражеской территории – но в любом случае у них не было того опыта, каким обладал капитан Орлов. Значит, раз уж они не берут его с собой, так пусть хотя бы выслушают…

Его разбудил Макарушка:

- Аврал. Вельбот на воду.

Кажется, перед глазами еще не растаяли остатки сна, а Орлов уже работал вместе со всеми. Спустили вельбот, забрались вчетвером и принялись на буксире тянуть шхуну. Боцман с коком остались на «Палладе» и шестами отталкивались от свай, помогая гребцам. Мало-помалу добрались до выхода из бухты. Подчиняясь командам боцмана, гребли то правым бортом, то левым. Предрассветный туман скрывал очертания берегов, но Петрович, видимо, ориентировался по звукам прибоя, и шхуна стала на якорь почти вплотную к отвесной скале.

- Тут и подождем, - сказал боцман, когда все вернулись на борт. – С моря нас не разглядят, если огней не зажигать. А мы отсюда все увидим. Вахтенным ночью не зевать! С берега глаз не спускать. Наши будут сигналить факелом.

«Наши? Так они уже там? – подумал Орлов. – Что ж, неплохо. Конечно, высаживаться надо было в темноте. Если ты не видишь врага, это не значит, что и он тебя не видит. Неплохо, неплохо. Кажется, за них можно не беспокоиться».

Помогая коку убирать после обеда, Орлов сказал, как бы невзначай:

- Капитан наш, видно, по берегу соскучился. Мог бы кого другого вместо себя послать.

- Нет, - серьезно проговорил Макарушка. – Они с Ильей – не разлей вода. Куда один, туда другой. Илья – он такой, он отчаянный, себя не бережет. Да и то сказать, подрубили корень человеку, один остался, вот и мечется.

- Один?

- Ты не знал? Один, совсем один. Родня какая-то в Нью-Йорке живет, да только они сами по себе. А была у Ильи семья, большая семья. Жена-красавица, трое детишек. Хозяйство было завидное. Табуны знатные. Всё пропало. Всё. Нефть на его землях нашлась. Начались споры. Земля-то в Мексике, а там закона нет. Кто больше заплатит, тот и прав. Илья уперся, на силу свою понадеялся. Да плетью обуха не перешибешь. Пока он в Мексике воевал, в Аризоне на ранчо напали. Все вчистую пожгли, коней увели, ну и … - Макарушка вздохнул. - Жена у него красавица была. Из мексиканок. Горячая, гордая. Руки на себя наложила, не далась. А детишки сгорели. Вот он с тех пор и ходит-бродит, как неприкаянный. Подрубили корень человеку, не сидится ему на месте.

Орлов вспомнил, как странно глянул Илья тогда, при первой встрече, когда услышал, что он – нефтяной агент. Да, нефть – грязное дело, очень грязное…

- Другой бы поплакал, погоревал, да начал бы все заново. А Илья – ну, ты и сам видел: пьет, не просыхает. Как такого одного на чужой берег отпустишь?

- Что же Беренс его взял? Не мог выбрать кого понадежней?

- Гаврилыч знает, кого брать, - многозначительно произнес Макарушка. – У нас вся команда надежная, любого мог позвать. Но тут лучше Ильи да Кирилы Андреича никто не справится.

Они перебирали рис, лущили фасоль, и словоохотливый кок скрашивал нудное занятие рассказами о необычной команде шхуны «Паллада».

Оказалось, что эмигрантами могли назвать себя только Кирилл с Ильей. Макарушка же, как и молчаливые братья Акимовы, родился уже в Америке. Что же до их родителей, то те и слова такого не знали, «эмиграция». Уроженцы Архангельской губернии, они нанялись матросами на английский пароход, который в годы гражданской войны поставлял оружие южанам, прорываясь через морскую блокаду. Пароход был задержан, и команда, состоявшая из русских и англичан, оказалась в плавучей тюрьме. Британцев-то сразу завербовали на флот, по одному. А поморы не соглашались, держались кучей. Так, кучей, их вместе с тюремной баржей и унесло ураганом в открытое море. Помотало, покрутило, да и выбросило на берег разоренной Джорджии. Что было делать поморам? Не строить же ладью, чтобы вернуться к родным двинским берегам. Решили, что Бог велел им осесть на земле, где урожай снимают по два раза в год, где нет зимы, и где после войны осталось множество молодых вдовушек. Когда же на юг обрушилась эпидемия лихорадки, русские подхватили жен и детишек, да перебрались на запад, в Оклахому.

В семьях бывших русских матросов говорили только по-русски, пели русские песни и на Пасху отправлялись в далекое путешествие, в Новый Орлеан, где была русская церковь. Хозяйство у всех было огромное, благо земли в Оклахоме им досталось изрядно. За что бы ни брались – все удавалось на славу. У самого Макарушки к двадцати годам уже был построен свой дом, и был свой пай на мельнице, и свое молочное стадо. Родители ему уже и невесту присмотрели, Катю Хлебникову, да только семейную жизнь пришлось малость отложить. Потому что появился в их краях лихой капитан Кирила Андреич. Женился он на дочери Луки Петровича, увез ее к себе. А когда пришло время крестить первенца, приехали к ним в Галвестон все оклахомские земляки. И показал им Кирила Андреич свою шхуну. И вышли на ней в море - прогуляться по хорошей погоде. И сказал Лука Петрович, что с чего человек начал жизнь, с того и закончит. И остался в Галвестоне с дочкой и внуком, и стал ходить боцманом на «Коршуне», и вся команда на ней стала русской, потому что и Макарушка, и молчаливые братья Акимовы как ступили на палубу, так и не смогли с нее уйти.

- На «Коршуне»? – переспросил Орлов.

- «Паллада» - не наша. Хозяин у нее – Гаврилыч. Мы у него наемная команда. А «Коршун» стоит дома.

- Понятно. Значит, Илья с Кириллом – тоже моряки?

- Моряки-то они моряки. Да только и на суше видали виды. Мы ведь как про них узнали? Той весной в наших краях тревожно было. То пастбища делили по-новому, то индейцы бузили, то банды новые объявлялись. Жил у нас на Волчьей реке ирландец один, Эдом Коннорсом звали. Хорошие у него табуны были, издалека за его лошадьми приезжали. Вот и убили Коннорса из-за его табунов. Думали, жена все бросит, ранчо продаст, да и уедет в город. А вышло-то по-другому. Как-то ночью будит нас Полюшка, дочка Луки Петровича. Говорит, на ранчо Коннорсов наши с бандой бьются. Всем миром собрались на подмогу. Приходим. Смотрим – ранчо, конечно, порушено. На доме живого места нет от пуль. Сарай сгорел. От конюшен одни головешки. И банда здесь. Мы их повязали – а у них все пораненные, и убитыми не меньше десятка валяются. Что оказалось? Илья с Кирилой Андреичем были с тем Коннорсом друзья, не разлей вода. Приехали ему помочь, да малость опоздали. Схлестнулись с бандой. И вдвоем чуть не всех положили. Вот такие они моряки. Вот и суди сам, кого еще Гаврилыч мог позвать с собой на такое дело.

6.

Ночью на шхуне, наверно, никто сомкнул глаз. Но, сколько ни вглядывались, огня на берегу не увидели. Ни огонька, ни слабой искры.

- Сроку у них два дня, - сказал Петрович наутро. – Если сегодня до темноты не выйдут, сами пойдем навстречу. Орлов! Тебе нынче самая грязная работа достанется. Не обессудь, Павел Григорьич. Всей команде – такелаж ладить. А ты – за мной.

Они спустились в трюм, и боцман открыл сундук с оружием.

- Вот ветошь, вот масло. Тебе-то такая работа не в диковинку?

Орлов молча кивнул.

- К вечеру чтоб управился. Ночью высадишь Макара на берег. Если там нечисто, прикроешь его, чтоб мог обратно до лодки добежать. Ружье себе подбери.

- Макара? На берег?

- Больше некого. Акимовы по одному не ходят. Я староват. А Макарушка – он шустрый.

«Шустрый? По виду не скажешь», - подумал Орлов. Он умел отбирать людей в команду не по их желанию и не по рекомендациям, а по признакам, которые и сам бы не смог описать. По взгляду, по движениям, по речи, и даже по молчанию и по тому, как держится человек в покое – по всему этому Орлов видел, кто на что годится. Один хорош в засаде, другой в налете, а такого, как Макарушка, лучше оставить в лагере – он и костру не даст погаснуть, и мух от лошадей отгонит, а в случае чего и оборону держать сможет. Для чего Макарушка пойдет на берег? Если просто на разведку, то он для этого слишком впечатлительный. В разведку лучше бы послать черствого зануду. Вернувшись, тот доложит только о том, что видел, не примешивая свои мнения, предположения и чувства.

Но что толку - разведывать? Выручать их надо, а не разведывать. Способен на это Макарушка? Петрович приказал чистить оружие. Макарушка умеет хорошо стрелять? Возможно, ему доводилось охотиться. Но тут не охота, тут война. Где он мог пороху понюхать?

«Спокойнее, граф, - сказал себе Орлов. – Рветесь в бой? Пресытились мирной жизнью?»

Он не рвался в бой. Он очень хотел попасть домой, и поскорее. Но шхуна не направится к Галвестону, пока на ее борт не вернется капитан. А капитан – на берегу. Его надо оттуда вытащить. Но Макарушка с этим не справится.

- Лучше я пойду, - сказал Орлов.

- Может, оно и лучше, - хмуро глянул на него боцман. – Но дело такое, опасное дело. А ты вроде как пассажир.

- То-то и оно, – сказал Орлов. – От пассажира пользы никакой. А без кока – что за плаванье? Сделаем так: Макарушка меня высадит, и – на шхуну. А на другую ночь заберет. Всех.

- Как знаешь, - ответил Петрович.

- Мне бы пороху с полфунта, черного. Найдется? Или из патронов вытряхивать?

- Сразу говори, что еще потребно?

- Пару веревок, подлиннее. Если дашь кресало и трут, не откажусь. А то у меня со спичками туговато. А так… Вроде больше ничего и не требуется.

- Выдам, - кивнул боцман.

Капитан Орлов любил возиться с оружием, и взялся за дело с таким воодушевлением, словно встретил старых друзей. Чистку он начал с двух своих револьверов. Уезжая в Мексику, он взял с собой карманный «ремингтон» и кольт «Бизли», незаменимый в тех случаях, когда требовался особо точный выстрел. Смазав оружие, капитан Орлов занялся кольтами, доставшимися ему от «висельников». Вопреки ожиданиям, стволы оказались в превосходном состоянии, без ржавчины и грязи. У одного револьвера рукоятка была обтянута резиной, а у второго ореховые накладки были густо испещрены насечками. Орлов насчитал семнадцать с одной стороны и десять с другой. «Двадцать семь. А могло быть двадцать восемь», - подумал он. И вспомнил, как беззаботно курили «висельники», ожидая, пока он выроет для себя могилу. Поленились держать его на мушке. Видно, они привыкли, что им никто не оказывает сопротивления. Может быть, они и не собирались его убивать? Просто пугали? Что ж, им это удалось в полной мере.

Кроме револьверов, в сундуке лежали несколько винтовок. Вычистив их, Орлов решил, что возьмет с собой карабин Маузера, легкий и короткий. Надо будет только переделать ремень, чтоб носить винтовку на груди, по-охотничьи. Он закрыл сундук и выбрался из трюма.

- Закончил? – удивился боцман.

- Нет. Мне шило нужно. И нитка суровая.

- А говорил, ничего больше не требуется… Ладно, найду. Погоди малость. Помоги мне с американцем разобраться.

- Ожил?

Спасенного репортера щедро напоили целебными препаратами с той же винокурни, где производился анисовый джин. Сутки напролет он пролежал в гамаке, лишь изредка вставая, чтобы справить нужду да выпить горячего бульона. Орлов и подзабыл о нем.

- Ожил-то он ожил, да больно прытким оказался. Подай то, принеси это. А теперь еще на берег ему захотелось. Поговори с ним. Меня он, вроде, не понимает.

Репортер лежал на палубе и строчил карандашом по бумажному обрывку. Судя по стопке таких же обрывков, он использовал для записей бумажный мешок из-под сухарей. Увидев Орлова, Холден на миг приподнял голову и сказал, продолжая при этом писать:

- Джим! Объясни своим друзьям, что я не сумасшедший. Я им целый час пытаюсь втолковать, что мне нужно попасть на берег, а они только улыбаются и пытаются снова напоить меня своими микстурами! Я не чокнутый, Джим! Мне просто нужно на берег! - Он поставил точку, сломав при этом карандаш. – Каррамба!

- Что тебе нужно на берегу? – спросил Орлов.

Ему было трудно говорить в такой же манере, как Холден. Отвык он от невнятных скороговорок, присущих жителям Новой Англии. Но репортер, услышав родную речь, зачастил еще быстрее и еще неразборчивей.

- Вот не думал, что придется объяснять такие простые вещи! Мои друзья там! Они меня ждут!

- Я был на берегу, - ответил Орлов. – И не заметил там никаких следов твоих друзей.

- Мои друзья не такие олухи, чтобы оставлять следы, - сказал Холден, шилом и суровой ниткой сшивая в тетрадь исписанные листки оберточной бумаги. – Я знаю, где они могут отсиживаться. Я обещал приплыть, и я сдержу слово. Ты хочешь, чтобы здесь, на Кубе, кто-то мог назвать нас, американцев, трусами и обманщиками?

- Френсис, не обижайся, но ты и вправду похож на чокнутого. Сам же говорил, что здесь кругом испанцы. И мне показалось, ты не очень-то хочешь с ними встретиться.

- Испанцы? - Холден прошелся по палубе, шаркая забинтованными ступнями. - Ну да, они тут шныряют повсюду. Но мы с тобой высадимся ночью. Если в лодке помещаются двое, для третьего найдется местечко. Что тут такого? У вас хорошая лодка, не сравнить с тем дырявым корытом, на каком я пытался перепрыгнуть через рифы.

- Да, лодка хорошая. Но по горам ходят не на лодке, а на ногах. На своих двоих. Вот заживут твои ноги, тогда и поговорим насчет прогулок на берег.

- Мои ноги – это *мои* ноги, - усмехнулся Холден. – Не знаю, какой дрянью их намазали. Воняет жутко. Но вонь ходьбе не мешает. Джим, в лодке я буду сидеть на подветренном борту от тебя, если ты такой чувствительный. Ну что, согласен?

- Надо подумать.

- О чем тут думать! Тебе и делать ничего не придется, разве что пару раз взмахнуть веслами. А потом я обо всем напишу в газете! Это будет репортаж на пять тысяч слов! Сейчас все читают только о войне! Разве ты не хочешь, чтобы о тебе узнала вся Америка?

- Нет, - сказал капитан Орлов. – Не хочу.

- Ну, и кто из нас чокнутый после этого? –развел руками Холден.

***

Дневную вахту Павел провел на мачте, стоя с биноклем на самой верхней площадке и осматривая берег. Склоны, заросшие лесом, уже не казались ему сплошной непроницаемой стеной. Там угадывались тропы, просвечивали поляны, а в одном месте даже почудился дымок. Но вскоре небо затянуло тучами, и берег скрылся за пеленой дождя.

Вечером Орлов потратил не меньше часа, чтобы по-новому приладить ремень к карабину. Пробил пару новых дырок, пришил крючок. Теперь винтовка висела на груди, и руки были свободны. Чтобы изготовиться к стрельбе, достаточно было дернуть за кончик ремня, и тот, разъединившись, позволял мгновенно вжать приклад в плечо.

Выйдя на палубу, Орлов поупражнялся с карабином, подгоняя длину ремня. А потом, вздохнув, уложил «маузер» обратно в ящик.

Он уходил не просто в лес. Он уходил в горный лес. Там лишняя тяжесть может оказаться смертельной обузой. А если придется стрелять, то только в ближнем бою, где карабин проигрывает револьверу и даже хорошему клинку.

Орлов достал из саквояжа свой засапожный нож и спрятал его за голенище.

- В сапогах пойдешь? – спросил Петрович, наблюдавший за его сборами. – В лесу днем, как в хорошей бане. Взопреют ноги, собьешь в кровь.

- За день не собью.

- Сорочку не поменяешь? Так, в белой, и пойдешь?

- На берегу в саже изваляю. Там сажи много.

- Как знаешь. А то могу рубаху дать рабочую. Темную. Из запасов.

- Рабочая-то покрепче будет, - согласился Орлов.

- То-то и оно. Ружье не берешь?

- Обойдусь.

Он набил оружейный пояс патронами тридцать второго калибра, под свой кольт. Кобуру прицепил под мышку, чтоб не мешала при ходьбе. Мачете – слева, фляга с водой – сзади. Поприседал, попрыгал, и снова немного передвинул пояс.

Освободив кисет от табака, он туго набил его зажигательной смесью из пороха и толченой коры, крепко-накрепко завязал и подвесил на шею. Кисет лег как раз поверх нательного креста, но Орлов понадеялся, что в том нет святотатства. В конце концов, все его действия будут бессмысленной тратой времени, если он не сможет в нужное время разжечь огонь, который увидят на шхуне.

Американец тоже собирался: разведя в воде золу из печки, красил ею тряпки на ногах. Петрович поглядел-поглядел на его старания, да и принес из трюма, вместе с парой черных рубах, резиновые сапоги, заляпанные разноцветными пятнами краски.

- Примерь-ка.

Холден осторожно натянул один сапог, хмыкнул, надел второй. Прошелся по палубе.

- Тяжелее, чем босиком, конечно. Но я не собираюсь бегать наперегонки. Спасибо. Когда вернусь, пришлю вам из Бостона целый ящик таких сапог, - пообещал репортер.

Петрович, явно заинтересовавшись такой перспективой, хотел что-то сказать, но вдруг раздался негромкий возглас наблюдателя с мачты:

- Вижу дым! Дым в лесу!

Орлов вскочил на фальшборт, схватившись за ванты, и вгляделся из-под руки в далекий лес на берегу бухты. Заходящее солнце ярко высветило макушки деревьев, и на этом золотистом фоне отчетливо виднелся дым. Он не поднимался к небу, а растекался над лесом, постепенно растворяясь.

- Наши?

- Посмотрим, - отозвался Петрович.

Несколько минут все, не проронив ни слова, глядели на еле заметные завитки, тающие над листвой.

- Нет. Не наши, - заявил боцман. – Чужие жгут. Орлов, запомнил место?

- Да.

- Туда не суйся.

«Туда-то я и загляну в первую очередь», - подумал Орлов.

***

Ночью, прежде чем спуститься в ялик, Орлову пришлось выпить какого-то зелья, настоятельно предложенного боцманом.

- Будешь в темноте видеть, - сказал Петрович. – В лесу любую тропинку найдешь. Три дня можешь не спать, не есть. Только не забывай воду пить, да отдыхай чаще. Хоть пять минут, но полежи.

- Спасибо, – с трудом ответил Орлов, у которого скулы свело от невыносимой кислятины.

- И не нашуми там, - добавил боцман. – Если наших поблизости нет, возвращайся. Будем ждать. Я их знаю. Сами вернутся.

Холден, который первым перелез через борт шхуны, подал голос снизу, из ялика:

- А мне почему не дали выпить?

- Ты к такому питью непривычен, - буркнул Петрович. – С Богом. Не шумите только.

Отлив обнажил мерцающую дугу пляжа, и Орлов не рискнул высаживаться на белоснежном песке, где их черные фигуры были бы слишком заметны. Он показал Макарушке, чтобы тот греб к причалу. Сейчас, при низкой воде, под сваями проступил насыпной мол. Они дошли по нему до берега, не замочив колен.

Оглянувшись, Орлов не обнаружил лодки, уходящей обратно на шхуну. Макарушка греб бесшумно, а темнота была такая плотная, что не различить ни моря, ни скал, ни неба, затянутого тучами.

«Вот те раз, - подумал Орлов, все еще ощущая во рту кислое жжение. – Неужто обманул Петрович?» Боцманское снадобье не помогало. Даже наоборот, Орлову казалось, что он видел в темноте хуже, чем его непьющий спутник. Холден шагал впереди уверенно и быстро. Он бесшумно раздвинул камыши, и под его сапогами зачавкала грязь.

- Заберемся выше по ручью, - шепнул он, оглянувшись. – Я тут знаю одно место, где можно переждать ночь. Утром разойдемся. Только не броди по открытым местам, здесь все просматривается со скал.

- Кем?

- У испанцев новая тактика. Всюду рассадили наблюдателей с оптикой. Следят за любым движущимся предметом. Если заметят что-то интересное, отправляют донесение на ближайший блок-пост. Оттуда выдвигаются *лансерос*, конная группа. Лично мне неохота с ними встречаться.

- Мне тоже,- сказал Орлов.

Тропа пошла в гору, и тростник перестал со свистом скользить по одежде. Подъем был крут. Приходилось хвататься за корни, торчащие из земли. Глянув вверх, Орлов вдруг различил между деревьями черное пятно.

- Что там, пещера?

- Да. Мы в прошлый раз забросали вход ветками, сейчас придется немного полазить, поискать на ощупь.

- Не придется. Может, твои парни уже в ней?

- Нет. Они там, в скалах. Ничего, я их все равно найду. – Холден опустился на четвереньки, ощупывая землю руками. – Так-так, это где-то здесь…

- Да вот же она. – Орлов обошел его и направился к куче хвороста, наваленной у скальной стены. – Добро пожаловать в отель.

- Не спеши. Номер может быть занят крайне неприятными жильцами. - Холден зажег спичку и осмотрел низкую пещеру. – В прошлый раз пришлось долго выгонять отсюда змею. Ну, на этот раз, кажется, чисто. Заходи.

- Ты должен был сказать «заползай», – проворчал Орлов, забираясь вслед за ним.

Едва они снова прикрыли вход хворостом, как по веткам застучали крупные капли дождя.

- Опять льет, - проговорил репортер. – Хорошо. В дождь испанцы сидят под крышей, пьют ром и ругают погоду. Можно смело ходить у них под носом. Лишь бы не зарядило надолго. Бывает, так льет, что в незаметном ручье вода поднимается на два-три фута и смывает все на своем пути. В дождь по лесу трудно идти. Иногда – невозможно. Но зато – безопасно. Не подстрелят.

- Ты давно здесь?

- Где? На Кубе? С девяносто пятого года, наездами. Джим, ты что, газет не читаешь?

- Не читаю, - признался Орлов.

- Ага, и вся твоя команда тоже? Тогда понятно. От Флориды до Коннектикута мое имя известно любой домохозяйке. Но ваша шхуна, наверно, редко заходит в восточные порты. – Холден сгреб в кучу сухую траву, разбросанную по углам пещеры, и разлегся на ней. – Значит, не читаешь газет? Ну, и правильно делаешь. Я тебе и так все могу рассказать. Знаешь, сам иногда удивляюсь. Пишу репортаж, отправляю в редакцию. Потом читаю в газете и не узнаю свой текст. Вроде все слова на месте, а смысл совсем другой. Я с девяносто пятого года пишу о

том, как кубинцы дерутся за свою независимость. А получается, что они страдают под гнетом Испании.

- Ну, и в чем разница?

- Если испанцы такие нехорошие, значит, несчастным кубинцам надо помочь. А кто годится на эту роль лучше, чем «дядюшка Сэм[4]»? Но дело-то в том, что, оказав помощь – о которой, кстати, нас никто не просил – мы останемся тут надолго. И все начнется сначала. Только вместо испанцев угнетателями станем мы.

- И кубинцы снова начнут воевать?

- Вот именно. Но это будет совсем другая война. Сейчас кубинцы дерутся друг с другом. А если они повернут оружие против нас, то объединятся. И тогда у нас не будет шансов.

- Постой, постой. Почему ты говоришь, что они дерутся друг с другом?

- Потому что кроме Освободительной армии здесь действуют еще десятки разных соединений. Слышал что-нибудь про «Солнце Боливара»? Про «Легион Черного орла»? А про «герильерос»? Это такие партизаны, которые уничтожают других партизан, которых называют «мамби».

- «Герильерос» воюют за испанцев?

- Нет, за плантаторов. Каждый крупный плантатор содержит собственную армию. Вот «лансерос», конники, те помогают испанцам. «Лансерос» почти все из местных. Это Куба. Здесь могут воевать только кубинцы. Приезжие торчат в гарнизонах и занимаются тем, что безвылазно сидят в сортирах, копают могилы и хоронят друг друга. Малярия косит их точно так же, как и наших ребят, которые имели глупость высадиться в самое гиблое время.

- Так ты считаешь, Америке не надо было вмешиваться?

- Конечно. Это не наша война. Это даже вообще не война.

- А что?

- Как бы тебе объяснить… Скажем, Франция и Пруссия воевали из-за угольных районов. Или вот Россия пыталась отнять у турков Босфор и Дарданеллы…. Слыхал об этом? Ну, неважно. Но про то, как Америка воевала с Англией, знают даже на твоей шхуне. Так вот, та заварушка, что приключилась между французами и пруссаками, между русскими и турками - это война. А то, что было у нас с англичанами – это революция. Англия называла это мятежом. Понимаешь? Мы были колонией. Частью империи. Мы когда-то сами были англичанами. Англия вложила деньги в освоение новых земель, послала туда своих людей, рассчитывала получить доход. Подданные – это бараны, которых надо стричь. Чем больше у тебя баранов, и чем лучше они живут, тем больше шерсти ты с них сострижешь. Англия стригла чуть не половину мира. И вдруг, спустя какое-то время, мы говорим – знать вас не знаем, и платить вам ничего не будем. Мы объявляем независимость. Понимаешь? Мы говорим на одном языке, у нас одна религия, одна история. Мы с англичанами – один народ, только живем на разных берегах океана. И на этом чисто географическом основании решаем стать независимой страной.

- Ну и правильно, - равнодушно сказал Орлов.

- Точно такая же штука и здесь, на Кубе, - продолжал Холден. – И во всех остальных колониях. Испанцы дали всем этим Колумбиям и Аргентинам свой язык, свою культуру. И остались с носом. Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины – они тоже оторвутся от метрополии, потому что география сильнее культуры, языка и религии. Если какой-то кусок земли имеет естественные границы, там рано или поздно заведутся люди, которые захотят основать собственное государство. Чтобы самим стричь баранов и всю шерсть оставлять себе, а не отправлять каким-то неведомым далеким правителям.

- Такие люди уже завелись на Кубе?

---

[4] Дядя Сэм – Uncle Sam, шутливая расшифровка сокращения USA

- В том-то и беда, что нет. Здесь почти нет местных богачей, только испанские и наши. Кубинская хунта – беспросветные идеалисты. Хотят построить абсолютно новое государство. Где у черных и белых будут равные права. Где будут выборы. Будет свободная пресса, а также все прочее, что эти лидеры могли подглядеть у нас, пока сидели в эмиграции в Нью-Йорке или во Флориде. Профсоюзы, страхование, бесплатные школы и так далее. Вот такие программы. А нашим магнатам хочется просто занять на Кубе то место, какое сейчас занимает Испания. И оставить все как есть. Но кубинцы сами не прочь управлять своим островом. Вот об этом я и пишу в своих репортажах. А ты их не читаешь. Да, наверно, их никто не читает. Репортаж неинтересен для публики. Он слишком сух и короток. Зачем читать сообщение с поля боя или из госпиталя, когда можно полюбоваться яркими картинками? Кубинскую войну рисуют художники, которые никогда не видели ни войны, ни Кубы. Они изображают всех испанцев мерзкими усачами в синих мундирах с золотыми погонами. А мундиры на самом деле не синие и даже не голубые. Они, скорее, белые, в тонкую голубую полоску. Очень удобные, кстати. И воюют испанцы отменно. Они бесстрашны и дисциплинированы. Наши любят живописать ужасы расстрелов. Но война есть война. Мои друзья «мамби» не берут пленных, разве что на час-другой. Но об этом никто никогда не напишет. Хотя о войне сейчас пишут все. Фельетонисты. Политические обозреватели. Составители дамских страничек … – Холден сложил руки под головой и зевнул. – Посплю хоть пару часов. Скоро рассвет.

Орлову не хотелось спать. Снадобье все же действовало. Темнота пещеры казалась ему прозрачной: он видел нависающие своды и стены в светлых потеках, и даже различал в углу копоть, оставшуюся от давнего костра.

- Знаешь, я ведь сразу подумал, что ты не больно-то похож на репортера, - сказал он. – Видел я газетчиков. Все такие важные, круче президента.

- Президент? Да кто он такой? Временный сотрудник администрации. От него ничего не зависит. Миром правят газеты.

- Миром правят деньги.

- Ну да, конечно, деньги. Но – через газеты. Если бы в газетах не написали, что «Мэн» взорвали испанцы, разве Конгресс решился бы объявить войну Испании? А если бы газеты не кричали, что американцам в Гаване грозят погромами, разве «Мэн» пошел бы на Кубу? Неплохая защита от погромов – броненосец!

У капитана Орлова было особое мнение насчет истории с «Мэном». Этот броненосный крейсер три недели стоял на гаванском рейде. Американские наблюдатели, прибывшие на нем, следили за тем, как испанские власти обеспечивают безопасность граждан Северо-Американских Штатов, ведущих свой бизнес на Кубе. За три недели можно успеть многое. Например, сосчитать количество крепостных орудий, определить их сектора обстрела, вычислить дистанции, с которых удастся безнаказанно бомбардировать город с моря. Можно также наладить работу сети осведомителей, сигнальщиков и корректировщиков огня. Для военного разведчика три недели легальной работы – это очень большой срок.

Когда же три недели истекли, весь офицерский состав сошел на берег и отправился на прием в резиденции американского посла. На борту остались две сотни матросов-негров и несколько младших офицеров. Все они погибли, когда прогремел мощный взрыв, и крейсер исчез под водой.

Американские газеты в один голос твердили, что взрыв стал результатом диверсии. Кто, кроме испанцев, мог это сделать? Дальше – как обычно. Ультиматум с невыполнимыми требованиями. И война.

- Значит, по-твоему, войну начали газетчики? – спросил Орлов.

- Да. И задолго до того, как ее объявили официально. Мы писали об испанцах, как о врагах, начиная примерно с сентября прошлого года. Тогда стало ясно, что Освободительная армия полностью владеет ситуацией и только ждет удобного момента, чтобы войти в Гавану. Но их вожди снова затеяли переговоры с союзниками и с администрацией, и снова сами же их завели в тупик. А потом кончился сухой сезон, и все боевые действия снова угасли под дождем. Это Куба. Здесь воюют только при хорошей погоде. Ну, а нашим стратегам показалось, что наступил самый удобный момент, чтобы вмешаться. Испанцы обескровлены, сопротивляться не смогут. Вот нам и пришлось поторопиться, чтобы не опоздать к празднику.

- Но газетчики не могли взорвать броненосец.

- Ха-ха. Скажи это испанцам. Они-то как раз утверждали, что незадолго до взрыва у судна крутилась лодка с американскими репортерами, и они поднимались на борт, и у них был с собой динамит. Бред. Такой же бред, как мина. Не было никакой мины. Скорее всего, вахта расслабилась, недосмотрела за приборами, взорвался котел, от него детонировала угольная пыль, а потом и боезапас. Взрыв был внутри судна, а не наружным. Ударная волна выбила стекла в домах. А оглушенной рыбы никто не видел. Тебе нужны другие аргументы? Их у меня – целая куча. Но меня никто не хотел слушать. Я написал, что нет никаких доказательств того, что наш корабль потопили испанцы. И этой строчкой заканчивался отправленный репортаж. Но когда он был напечатан, после моих слов появилась еще одна строчка. «Доказательств нет. Преступники позаботились о том, чтобы скрыть следы. Но возмездие неотвратимо». Что-то в таком духе, не помню точно.

- Ты стал спорить с редактором?

- Нет. Меня отозвали с Кубы, чтобы отправить на Аляску. А я послал всех к черту и остался здесь. Я должен разобраться.

- В чем?

- Джим, не обижайся, но вряд ли ты поймешь. Ты не читаешь газет. Ты не знаешь, кто такие Пулитцер и Херст…

- Знаю.

- Ах, знаешь? – Холден порывисто приподнялся на локте, пытаясь разглядеть в темноте лицо собеседника. – Ты смеешься надо мной? Скажи, если знаешь: что между ними общего? Пулитцер - иммигрант, венгерский еврей, едва говорящий по-английски. Уильям Рэндольф Херст – сын миллиардера, и сам миллиардер. Что общего между ними?

- Ну, они издают газеты.

- Каррамба! Издателей – целая армия, и все они грызутся между собой. Но почему два самых крупных нью-йоркских издателя вдруг запели в унисон? Они не спорят друг с другом, как обычно. А повторяют друг за другом одно и то же. Они давным-давно начали кричать: «Нам нужна война с Испанией!». И правительство не могло заткнуть им рот. Хотя Штатам вовсе не нужна война. Штатам нужна Куба? Да, наверно. Так почему бы ее просто не купить у Испании? Купили же мы Аляску, Луизиану, Калифорнию, Аризону…

- Наверно, Пулитцеру и Херсту кто-то заплатил. Тот, кому выгодна война.

- Вот именно! – Холден снова заворочался, укладываясь на соломе. – Вот я и хочу узнать, кому выгодна эта война. Но не думай, что я напишу об этом очередной репортаж. Нет. Газеты – дерьмо. Я напишу книгу об этой войне. Если ты дашь мне выспаться.

Орлов больше не стал ему мешать, и через минуту Холден засопел во сне.

«Как он спокоен, - с завистью подумал Орлов. – На чужом берегу, в темной пещере, окруженной врагами. И спит, как младенец. Да нет, этот берег для него не чужой. Он здесь работает. А я-то что тут делаю?».

Здесь, на чужом берегу, посреди чужой войны, ему надо было отыскать своих.

И он не стал терять время. Раздвинул хворост и шагнул в темноту, пока волшебное зелье Петровича не перестало действовать.

7.

Старые, позабытые навыки можно восстановить, если вспомнить самые первые шаги обучения. Найти ниточку, торчащую из клубка, дернуть за нее – и клубок сам собой размотается. «С чего же я начинал читать следы?» - думал Орлов, стоя под пальмой и оглядывая то пустынный пляж, то неприступную стену леса.

Но вместо первых уроков следопытства ему почему-то вспоминались первые нефтяные вышки. Вспоминались первые партнеры, и то, как они наказывали его за доверчивость. Вспомнил он и то, сколько денег и времени было потрачено на поиски юкатанской нефти. Они с Верой намеревались там, на Юкатане, вести дело по-новому. Прежде они только начинали осваивать месторождение. Как только скважина давала двадцать баррелей в день, они продавали ее той или иной компании и уходили на новое место. Теперь же, накопив деньги и опыт, они хотели построить собственную цепочку – добычу, очистку, транспортировку нефти и производство керосина. У них имелись необходимые связи, они могли опираться на проверенный банк, было у них и юридическое обеспечение. Не было только одного – желания бросать налаженную жизнь и погружаться в бурный поток нефтяного бизнеса.

«Вот и не будет теперь никакого бизнеса, – подумал Орлов. – Полковник Терразас не даст мне вернуться в Мексику. Забудем о незаработанных миллионах. Будем и дальше сверлить дырки в земле, кочуя по свету. А что? Вполне достойный труд. Как говорится, жизнь должна быть многотрудной. Господи, кто же это сказал? Паттерсон?»

Федеральный маршал Нэт Паттерсон, с которым Орлов сдружился за годы рейнджерской службы, любил иногда щегольнуть неожиданной цитатой. Он, правда, читал только труды по истории кавалерии, поэтому его высказывания больше касались лошадей, чем людей.

Что ж, лошадям тоже живется нелегко. Но фраза, так не вовремя всплывшая в памяти Орлова, все-таки принадлежала не Паттерсону. «Жизнь воина должна быть многотрудной… Нет, я это слышал еще до того как попал в Америку. Кто же так говорил?»

Детство Павлуши Орлова прошло под присмотром двоих старых солдат. В городском доме его опекал англичанин Бартл, а в поместье – казак Нестеренко. Бартл, как Орлов узнал спустя много лет, на самом деле был ирландцем, бежавшим с английского флота, чтобы не быть вздернутым на рее. Мог ли он произнести столь глубокую сентенцию? «Жизнь воина должна быть многотрудной». Вряд ли.

Но не от Нестеренки же услышишь такое! От того можно было услышать разве что песни с непонятными для ребенка словами, и с целыми куплетами, которые не произносились вслух, а лишь насвистывались. И еще старый казак называл зайца ушканом, а волка – бирюком. И, идя по заячьему следу, безошибочно угадывал, в какую сторону скакнет ушастый, чтобы сменить направление и завязать новый узел на своей петле.

Петля, вот с чего надо начать.

Пройти по кругу. Если не встретится след, описать новый круг, более широкий.

Так учил его Нестеренко. Наверно, он и про дождь что-то говорил – жаль, память слаба. Как искать следы под ливнем? Как искать следы на воде, которая струится мимо тебя со склона, унося листву, траву и сухие ветви – все то, на чем остаются следы?

Орлов поднял воротник, чтобы дождь не затекал под робу, и зашагал вверх по склону. Туда, где вечером был виден дымок.

Он не пробивался сквозь заросли, потому что обнаружил извилистую, еле заметную тропку, ведущую от ручья вверх. Какой зверь натоптал ее в этом лесу, спускаясь к водопою? Не слишком крупный, судя по тому, что ветки смыкались чуть выше орловских коленей. Они смыкались и податливо размыкались, и влажная листва шуршала, словно отфыркивалась. Он

старался идти не слишком быстро, без рывков и остановок, чтобы неизбежный шум от ходьбы сливался с монотонным шумом дождя.

Неожиданно дождь прекратился, и Орлов застыл на полушаге, прислушиваясь к звукам последних падающих капель. Он осторожно поставил ногу и повел головой из стороны в сторону, вытянув шею и принюхиваясь. Звонко щелкали капли, стекая с листьев. Захлопала мягкими крыльями ночная птица. Сова? Перелетает на сухую ветку? Или заметила мышку, которая выскочила из затопленной норы?

И вдруг в ночном лесу тихо и робко проблеяла коза.

Это, такое домашнее, «бе-е» длилось не более пары секунд, но Орлов успел определить направление. Его ничуть не удивило, что звук исходил с той же стороны, где был замечен дым. Все складывается логично, одно к одному. Дым – это жилье, а жилье – это хозяйство, а хозяйство – это козы, лошади, собаки…

Собак Орлов не любил с детства. Своей у него никогда не имелось, а от чужих вечно были разные неприятности, неизбежные при тайных операциях в чужих садах. У мачехи под ногами вертелись тонконогие левретки. Вот же омерзительные твари!

«Вспоминай, вспоминай, - приказывал он себе. – Плюнь на левреток. Ты вспоминай, чему тебя учил Нестеренко».

Лето перед поступлением в военное училище Павлуша провел в лагерях, где отец отбирал разведчиков из молодых солдат, временно прикомандированных к его полку. Несколько унтер-офицеров исполняли роль строгих судей во время различных испытаний, Нестеренко же находился вместе с испытуемыми, как бы доказывая им, что если уж сорокалетний старик справляется с переправой через речку в полной пластунской экипировке, то вам-то, юным и цветущим, грех жаловаться .

Сначала Павлуша только наблюдал, как каждое утро десятки парней бегают наперегонки по сопкам, потом уговорил отца, и стал проходить все испытания вместе с разведчиками. Правда, он был обязан все время держаться рядом с Нестеренкой. Ну и, само собой, оружия ему никакого не дали, поэтому на стрельбах ему пришлось сидеть в окопчике и крутить колесо, которое приводило в движение далекие фигурки бегучих мишеней. Зато в скрытном марше мимо наблюдательных постов или в подкрадывании к часовым Павлуша зарабатывал только отличные оценки. Уход от погони, тайное выдвижение из лагеря, розыски спрятавшихся командиров – во всех этих увлекательнейших играх он был на равных с солдатами, а те относились к происходящему с таким же, как у него, юношеским азартом.

Однажды всех разведчиков увели далеко в незнакомый лес. Унтеры долго водили их кругами по непролазным дебрям, а потом приказали возвращаться в лагерь по одному. «Пусть каждый выбирается, как хочет. Обедать будете, когда придете». Павлуша кружил часа четыре. Когда вышел к лагерю, отец уже пообедал и отбыл в штаб, оставив сыну записку: «Хороший разведчик всегда сыт, плохой вечно голоден». Павлуша почесал затылок, потом – пустой живот. Но не расстроился, а отправился на кухню к знакомому кашевару, и тот разогрел ему остатки обеда. После чего на обороте отцовской записки появился ответ: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», а сытый и довольный разведчик отправился удить рыбу.

Да, он тогда считал себя настоящим разведчиком, и весьма гордился собой. Пройдет немного времени, и жизнь примется усердно щелкать его по носу, показывая, как далеко ему до настоящего разведчика. Но когда отец позволил ему присутствовать на торжественном марше, Павлуша, хоть и стоял далеко от строя, вытягивался в струнку и держал руки по швам, точно так же, как и солдаты, зачисленные в полк. Вот тогда-то оно и прозвучало...

«Жизнь воина должна быть многотрудной. Потому что трудности рождают упорство, а без упорства нет победы. Ни оружие, ни диспозиция, ни стратегия не принесут победы, если не будет в солдате победного духа» - речь командира разносилась над плацем, и каждое слово вонзалось в память, как гвоздь в доску.

Почему же только сейчас он вспомнил, что эти слова принадлежат его собственному отцу?

Наверно, потому, что там, на плацу, не было у него отца-матери, не было семьи и прочих глупостей. Был полк, был царь, и было Отечество. И впереди расстилалась ясная дорога – служба, победы и подвиги.

«Что-то я всё не то вспоминаю, - огорчился Орлов. – Выбился из колеи. Старый я, никчемный. Штатский, одним словом. Все позабыл, все растерял. Надеюсь, там, куда я иду, нет собак. Только коза. Да ведь и коза может переполошить всех, если чужого заметит. Эх, граф, ваше место в деревне, на диване. Вам бы сейчас старые календари перелистывать, да с ключницей браниться, а вы все по лесам по заморским шастаете…»

Он увидел широкий просвет между деревьями, и ощутил под ногой твердую, утоптанную землю. Орлов стоял перед лесной дорогой, и лишь широкая ветка папоротника отделяла его от нее. Здесь пахло лошадиным навозом и конской сбруей. Но еще сильнее ощущался запах человеческой мочи. «Словно рота прошла», - подумал он. И весь сжался от предчувствия беды. Если тут прошла рота испанских солдат… И если он им попадется…

Снова коротко, жалобно подала голос коза. И Орлов успокоился. Солдаты с козами не возятся. Здесь где-то поблизости прячутся крестьяне. Почему прячутся? Потому что война. Сейчас все прячутся друг от друга.

***

Люди сидели на земле, прижимаясь спинами к высоким колесам повозок. Почему-то они не спрятались от дождя под деревьями, где сидели другие. Наверно, потому что те, другие, носили на себе патронташи через плечо. И винтовки виднелись рядом, составленные в три пирамидки. А вот те, кто сидел у повозок… Орлов пригляделся. Они неподвижно сидели на мокрой земле, и вокруг них блестели лужи. Почему же они не встанут, не пересядут?

Потому что они связаны. Их руки были связаны за спиной. И, наверно, крепко прихвачены к колесам.

Связанные – их было семеро - молчали. А под деревьями не умолкал негромкий спор. Он прислушался. Два слова повторялись чаще других. Одно было «пуэнте», мост. Другое слово, звучавшее не так отчетливо, заставило его подойти ближе - неужели они говорят про «экстранерос», про иностранцев?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.